D 21/209

D 21/209

Д 7209

МЮНХАУЗЕНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Ф. А. БИТЕПАЖА.
1872.

...и РУМЯНЦОВ. МУЗ... БИБЛІО-...ЕКА

RFID 2018813421

ПУТЕШЕСТВІЯ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

Барона Мюнхаузена.

Art. Anst. v. E. Hochdanz, Stuttgart.

D 21
209

ПУТЕШЕСТВІЯ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ

Барона Мюнхаузена,

съ предисловіемъ

ФРАНЦА ГОФМАНА.

Съ 8-ю хромолитографическими рисунками.

переводъ

С. Майковой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Ф. А. БИТЕПАЖА.

РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ
БИБЛІОТЕКА

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 ноября 1872 г.

Тип. **В. Демакова**. В. О., 9 л., № 22.

13814-0

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Франца Гофманна.

Въ молодости моей я былъ очень коротко знакомъ съ господиномъ Мюнхаузеномъ. Нельзя сказать, чтобы положеніе его, въ ту пору, было одно изъ лучшихъ; напротивъ, онъ находился въ крайней бѣдности. Лицо его, платье, внѣшность, словомъ все въ немъ имѣло видъ чрезвычайно невзрачный, такъ что, несмотря на его высокое происхожденіе, онъ почти не могъ показываться въ хорошемъ обществѣ; всюду на него смотрѣли съ высока, а подъ часъ и отворачивались. А между тѣмъ стоило только взять на себя трудъ познакомиться съ нимъ нѣсколько покороче, чтобы открыть въ немъ такой неисчерпаемый запасъ веселости, что чрезъ нѣсколько времени поневолѣ приходилось сознаться, что онъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ и въ высшей степени веселый товарищъ. Но, какъ уже сказано, скудная внѣшность его

чрезвычайно затрудняла ему доступъ въ общество, а потому онъ очень рѣдко и показывался. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ послѣдній разъ.

Но вотъ однажды—вообразите себѣ мое удивленіе—входитъ ко мнѣ въ комнату чрезвычайно изящно одѣтый господинъ и рекомендуется:

— «Господинъ Мюнхаузенъ — вашъ старый знакомый!»

Передо мною стоялъ уже пожилой, но очень свѣжій и прилично одѣтый господинъ, лукаво щурясь и подмигивая своими свѣтлыми, ясными глазами, между тѣмъ какъ около угловъ его рта играла улыбка остроумія. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— «Какъ!» — вскричалъ я. — «Господинъ Мюнхаузенъ! Старый знакомый? Не можетъ быть! Вѣроятно внукъ или правнукъ . . . .»

— «Нѣтъ, нѣтъ, самъ старикъ»,—продолжалъ весельчакъ, подчеркивая послѣднія слова.—«Васъ это удивляетъ! Иначе и быть не можетъ; вѣдь вы не знаете, что я вышелъ изъ своего уединенія по милости одного благороднаго человѣка, щедраго покровителя, который съ чрезвычайною щедростью снабдилъ меня всѣмъ. И вотъ теперь вы видите передъ собою человѣка, вполнѣ приличнаго и желающаго опять бывать въ свѣтѣ. Мнѣ недостаетъ только нѣкоторыхъ рекомендацій, чтобы меня вполнѣ оцѣнили. Черкните нѣсколько строкъ вашимъ

друзьямъ и дайте ихъ мнѣ, въ остальномъ предоставьте мнѣ дѣйствовать самому. Повѣрьте, мнѣ не трудно будетъ уладить все къ лучшему».

— «Но подумайте, господинъ Мюнхаузенъ, могу ли я, который считаю нравственность первою обязанностью автора, рекомендовать васъ,—отца лжи»?

— «Отца лжи! Какой незаслуженный упрекъ!»—отвѣчалъ онъ, скорчивъ при этомъ наичестнѣйшую мину- «Отецъ лжи! О! О! Это менѣе всего другаго! Да, да, конечно я разсказывалъ разныя забавныя, смѣшныя и увлекательныя вещи, но это дѣлалось единственно для развлеченія слушателей, но—лгать!—Никогда, никогда! Мюнхаузенъ не способенъ на ложь и никогда не станетъ лгать. Онъ будетъ сыпать странными исторіями, разукрашенными еще болѣе невѣроятными подробностями, но лгать — никогда! А потому не церемоньтесь, старый пріятель! Пишите: «Другъ мой Мюнхаузенъ и т. д. и т. д.» Прошу васъ!»

Онъ просилъ меня такъ мило и такъ убѣдительно, что я, наконецъ, не въ силахъ былъ противиться ему и исполнилъ его желаніе. А потому, сообразно съ истиной, свидѣтельствую, что:

1. Господинъ Мюнхаузенъ, мой старинный другъ, по его собственному показанію, никогда не говоритъ и не распространяетъ лжи, —и что,

2. Господинъ Мюнхаузенъ одинъ изъ самыхъ пріят-

ныхъ и веселыхъ собесѣдниковъ, съ какимъ мнѣ когда либо приходилось сводить знакомство; онъ блистаетъ неисчерпаемымъ остроуміемъ; веселыя шутки его льются безъ конца, и роскошная фантазія его полна самой причудливой изобрѣтательности.

Тѣмъ не менѣе я не совѣтую юнымъ друзьямъ моимъ принимать все, что разсказываетъ господинъ Мюнхаузенъ, за чистую и несомнѣнную истину, но совѣтую отъ души посмѣяться его шуткамъ, какъ смѣялись тысячи до нихъ и какъ будутъ смѣяться тысячи съ ними и послѣ нихъ. Dixi et salvavi animam meam—что значитъ: сказалъ и спасъ свою душу.

Я выѣхалъ изъ дому и предпринялъ путешествіе въ Россію зимою, очень основательно предположивъ, что дороги чрезъ Польшу, Курляндію и Лифляндію, находящіяся, по словамъ всѣхъ путешественниковъ, въ весьма плохомъ состояніи, при морозѣ и снѣгѣ все-таки представляютъ сравнительно менѣе неудобствъ.

Я поѣхалъ верхомъ, такъ какъ по моему мнѣнію этотъ способъ путешествовать есть самый удобный, если только конь и всадникъ мало-мальски сносны. Путешествуя верхомъ, мы избѣгаемъ непріятныхъ столкновеній съ какимъ нибудь вѣжливымъ нѣмцемъ почтмейстеромъ и удовольствія частыхъ остановокъ передъ каждымъ шинкомъ для утоленія жажды нашего ямщика. Я былъ одѣтъ нѣсколько легко, что по мѣрѣ моего приближенія къ сѣверо-востоку оказалось не совсѣмъ-таки пріятнымъ.

Каково же было тому бѣдному старику, который безпомощно лежалъ на одной изъ пустынныхъ полянъ

на сѣверо-востокѣ Польши и былъ одѣтъ такъ бѣдно, что почти окостенѣлъ отъ холода.

Я отъ души пожалѣлъ бѣднягу и, хотя морозъ меня самого пробиралъ насквозь, я все-таки накинулъ на него свой дорожный плащъ и поскакалъ дальше, пока наконецъ не настигла меня ночная тьма.

Нигдѣ не замѣтно было ни малѣйшаго признака жилья. Вся мѣстность была занесена глубокимъ снѣгомъ, и я не могъ разглядѣть передъ собою ни дороги, ни тропинки.

Утомленный наконецъ долгой ѣздой, я сошелъ съ лошади, привязалъ ее къ колу, торчавшему поверхъ снѣга, а самъ, захвативъ съ собою для бо́льшей безопасности свои пистолеты, расположился на снѣгу и скоро впалъ въ такой крѣпкій сонъ, что проснулся не раньше, чѣмъ когда уже совсѣмъ разсвѣло.

Каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ на другое утро, что лежу посреди сельскаго кладбища.

Сначала нигдѣ не видать было моей лошади; но скоро раздалось, гдѣ-то надо мною, ея ржанье. Я взглянулъ вверхъ и увидалъ, что она виситъ привязанная къ шпицу церковной колокольни.

Тутъ я мигомъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.

Съ вечера вся деревня была занесена глубокимъ снѣгомъ; когда же ночью—совсѣмъ неожиданно—наступила оттепель, то я, пока спалъ, мало по малу и нечувствительно опускался, по мѣрѣ того какъ таялъ снѣгъ, все ниже и ниже. То, что я съ вечера, въ темнотѣ, принялъ за торчавшій поверхъ снѣга колъ, къ которому и при-

вязалъ свою лошадь, былъ крестъ или флюгеръ надъ колокольней.

Не раздумывая долго, я схватилъ одинъ изъ своихъ пистолетовъ, прицѣлился въ узду, выстрѣлилъ и, благополучно вернувъ себѣ такимъ образомъ своего коня, продолжалъ свое путешествіе.

Затѣмъ все шло хорошо, пока я не пріѣхалъ въ Россію, гдѣ вообще не особенно принято путешествовать зимою верхомъ.

И такъ какъ я всегда придерживаюсь правила помнить поговорку: «что городъ то норовъ», то и поспѣшилъ нанять бѣговыя сани въ одну лошадь и весело поѣхалъ прямо на Петербургъ.

Ужъ право не помню теперь хорошенько, было ли это въ Эстляндіи, или Ингерманландіи, помню только, что я проѣзжалъ дремучій лѣсъ, когда увидѣлъ, что за мной со всѣхъ ногъ бѣжитъ, побуждаемый зимнимъ голодомъ, страшный прожорливый волкъ. Онъ скоро меня настигъ, и не было никакой возможности уйдти отъ него. Машинально растянулся я пластомъ вдоль саней, предоставивъ лошади дѣйствовать какъ ей заблагоразсудится. То, что я предполагалъ, но на что надѣяться и чего ожидать не смѣлъ, то не замедлило случиться.

Волкъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вашего покорнаго слугу, перескочилъ черезъ меня и, съ яростію накинувшись на лошадь, разомъ оторвалъ и проглотилъ всю заднюю часть бѣднаго животнаго, которое со страха и отъ боли еще пуще ускорило свой бѣгъ.

Незамѣченный и удачно избѣжавъ такимъ образомъ

опасности, я украдкой приподнялъ лицо и съ ужасомъ увидалъ, что волкъ глубоко запустилъ свои зубы въ тѣло лошади. Но едва лишь онъ успѣлъ такъ усердно погрузиться въ это занятіе, какъ я, пользуясь этимъ случаемъ, изо всѣхъ силъ ударилъ кнутомъ по его пушистой шкурѣ. Такое неожиданное нападеніе на его толстый чахолъ причинило ему не мало страха; онъ рванулся что было мочи впередъ; трупъ лошади повалился на землю, и, глядь, вмѣсто коня въ сбрую впрегся волкъ. Я же со своей стороны продолжалъ стегать его кнутомъ, и такимъ образомъ мы благополучно въѣхали во весь галопъ въ Петербургъ, наперекоръ нашимъ обоюднымъ ожиданіямъ и къ немалому удивленію зрителей.

Не стану надоѣдать юнымъ моимъ читателямъ учеными изслѣдованіями объ устройствѣ, наукахъ и искусствахъ великолѣпной столицы Россіи, или разсказами о всѣхъ достопримѣчательностяхъ этого города; постараюсь лучше придерживаться тѣхъ предметовъ, о которыхъ смѣло могу судить съ полнымъ пониманіемъ дѣла; буду говорить о лошадяхъ и собакахъ, до которыхъ я всегда былъ большой охотникъ; затѣмъ о лисицахъ, волкахъ, медвѣдяхъ, которыми Россія, равно какъ и другою дичью, изобилуетъ болѣе чѣмъ всякая другая страна на землѣ; наконецъ буду разсказывать о тѣхъ удовольствіяхъ, рыцарскихъ упражненіяхъ и славныхъ подвигахъ, которые украшаютъ дворянина лучше всякихъ манжетъ и раздушенныхъ французскихъ манеръ.

Такъ какъ прошло нѣкоторое время прежде, чѣмъ меня зачислили въ число служащихъ при арміи, то я въ

продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ имѣлъ полный досугъ и свободу тратить свое время и свои деньги самымъ благороднѣйшимъ образомъ.

Благодаря суровому климату страны, а также и національнымъ нравамъ и обычаямъ, вино, въ числѣ свѣтскихъ развлеченій, пользуется въ Россіи гораздо бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ въ трезвой Германіи; а потому и неудивительно, что я часто встрѣчалъ здѣсь людей, которые въ искусствѣ пить доходили до настоящей виртуозности. Но всѣ они оказывались не болѣе какъ жалкими исполнителями этого дѣла въ сравненіи съ сѣдобородымъ, мѣднокраснымъ генераломъ, имѣвшимъ обыкновеніе обѣдать съ нами за однимъ табль д'отомъ.

Этотъ почтенный господинъ, потерявшій въ сраженіи съ турками верхнюю часть черепа, а потому съ добродушнѣйшимъ чистосердечіемъ извинявшійся каждый разъ, когда къ нашему обществу присоединялось новое лицо, въ томъ, что принужденъ сидѣть за обѣдомъ въ шляпѣ, постоянно придерживался обыкновенія осушать во время обѣда нѣсколько бутылокъ водки и заканчивать его двумя-тремя бутылками грога, и не смотря на это ни разу нельзя было замѣтить въ немъ ни малѣйшаго признака опьянѣнія.

Такое явленіе очень легко можетъ показаться невѣроятнымъ; признаться, оно долго превышало и мое пониманіе. Я долго не могъ объяснить себѣ эту загадку, пока, наконецъ, совсѣмъ случайно не нашелъ къ ней ключа.

Генералъ имѣлъ обыкновеніе отъ времени до времени приподнимать свою шляпу. Мнѣ часто случалось замѣ-

чать это его движеніе, не подозрѣвая въ немъ ничего особеннаго. Жаръ—естественно—бросался ему въ голову, вслѣдствіе чего желаніе освѣжить ее было не менѣе естественно. Но наконецъ я замѣтилъ, что вмѣстѣ съ шляпой генералъ приподнималъ прикрѣпленную къ ней серебряную бляху, служившую ему вмѣсто черепа, при чемъ всѣ пары поглощаемыхъ имъ спиртныхъ напитковъ испарялись вверхъ въ видѣ легкаго облака.

Этимъ загадка разомъ разрѣшилась.

Я сообщилъ мое открытіе двумъ-тремъ хорошимъ пріятелямъ и тутъ-же вызвался, — такъ какъ дѣло это было вечеромъ, — произвести опытъ, чтобы доказать справедливость моихъ словъ.

Для этого я сталъ съ трубкой позади генерала и, улучивъ минуту, когда онъ приподнималъ свою шляпу, зажегъ, съ помощію лоскутка бумаги, восходящіе пары. Теперь передъ глазами нашими явилось зрѣлище равно новое и прекрасное. Я мгновенно превратилъ стоявшій надъ головой нашего героя облачный столбъ въ огненный; пары же, стоявшіе между волосами и шляпою, образовали среди красиваго синяго огня великолѣпное лучистое сіяніе.

Мой опытъ, разумѣется, не могъ оставаться тайною для генерала; но онъ не только не разсердился, но даже позволилъ намъ еще нѣсколько разъ повторить опытъ, который придавалъ ему такой величественный видъ.

Пройду молчаніемъ другія забавныя сцены, видѣнныя мною при подобныхъ же обстоятельствахъ, такъ какъ имѣю намѣреніе поподробнѣе разсказать различ-

ныя охотничьи похожденія, которыя, какъ мнѣ кажется, гораздо болѣе замѣчательны и занимательны.

Само собою разумѣется, что я, въ качествѣ страстнаго охотника, всегда давалъ предпочтеніе тѣмъ бравымъ товарищамъ, которые умѣли надлежащимъ образомъ цѣнить открытую, безпредѣльную лѣсную область.

Развлеченіе, доставляемое мнѣ этимъ времяпрепровожденіемъ, а также и необыкновенное счастіе, сопровождавшее каждый мой ударъ, служатъ мнѣ до сихъ поръ предметами самыхъ пріятныхъ воспоминаній.

Въ одно прекрасное утро увидалъ я черезъ окно моей спальни, что лежавшій недалеко отъ дому обширный прудъ былъ весь точно подернутъ многочисленной стаею утокъ. Мигомъ схвативъ ружье изъ угла, я сломя голову и такъ неосторожно побѣжалъ съ лѣстницы, что наткнулся лицомъ на косякъ двери. Искры посыпались у меня изъ глазъ, но это ничуть не задержало меня. Я скоро добѣжалъ до пруда, взялся за ружье и собрался было уже начать охоту, какъ вдругъ, прицѣливаясь, замѣтилъ, къ крайней своей досадѣ, что кремень ружья, вслѣдствіе только что полученнаго мною толчка, отскочилъ съ курка.

Что оставалось мнѣ дѣлать? Терять времени нельзя было!

Къ счастію мнѣ сейчасъ пришло въ голову воспоминаніе о томъ, что̀ за нѣсколько минутъ передъ этимъ случилось съ моими глазами. Вотъ почему открывъ полку ружья, я спокойно прицѣлился въ стаю дикихъ утокъ

и въ тоже время, поднявъ кулакъ, нанесъ одному изъ моихъ глазъ здоровенный ударъ. Искры снова посыпались; раздался выстрѣлъ и убилъ пять паръ утокъ, четыре пары реполовокъ и одну пару лысухъ. «Находчивость-душа доблестныхъ подвиговъ!» и если она часто спасаетъ солдатъ и моряковъ, то нерѣдко и охотникъ обязанъ ей своей удачею.

Такъ однажды на озерѣ, около котораго мнѣ случилось охотиться, плавало въ разбродъ, далеко одна отъ другой, нѣсколько дюжинъ дикихъ утокъ; я никакъ не могъ надѣяться убить однимъ выстрѣломъ болѣе чѣмъ одну штуку; къ тому-же ружье мое, къ крайнему моему сожалѣнію, было заряжено послѣднимъ зарядомъ. Однакожъ очень желательно было перестрѣлять всѣхъ ихъ, такъ какъ я имѣлъ намѣреніе на дняхъ угостить цѣлую ватагу добрыхъ друзей и знакомыхъ.

Тутъ я вспомнилъ, что въ охотничьей сумкѣ моей остался кусочекъ жира отъ ветчины, которую взялъ съ собою про запасъ. Вытащивъ этотъ кусочекъ, я прикрѣпилъ его къ довольно длинной веревкѣ, которую сперва раскрутилъ, чѣмъ на худой конецъ учетверилъ ея длину. Теперь укрываясь на берегу въ высокихъ камышахъ, я закинулъ кусокъ жира въ прудъ и вскорѣ къ величайшему своему удовольствію увидалъ, какъ ближайшая утка, подплывъ къ моей удочкѣ, проглотила его. Вслѣдъ за ней приплыли и всѣ остальныя, и такъ какъ гладкій жиръ, прицѣпленный къ веревкѣ, не замедлилъ, непереварившись въ желудкѣ, появиться съ другаго конца утки, то его проглотила слѣдующая, за ней другая и

такъ далѣе. Словомъ жиръ совершилъ путешествіе сквозь всѣхъ утокъ, не оборвавшись съ веревки.

Такимъ образомъ всѣ онѣ очутились нанизанными на веревку, словно жемчугъ на ниткѣ.

Тогда, притянувъ ихъ любезно къ себѣ, я обмоталъ нѣсколько разъ вокругъ себя веревку съ утками и отправился домой.

Мнѣ предстояло пройти довольно порядочное разстояніе, а тяжесть такого множества утокъ показалась мнѣ нѣсколько обременительною, такъ что я почти пожалѣлъ, что наловилъ ихъ такъ много.

Но тутъ со мной случилось до невѣроятности чудное приключеніе, которое и меня самого не мало смутило. Утки, которыя всѣ были живы, очнувшись послѣ первой минуты изумленія, принялись сильно хлопать крыльями и подыматься, унося меня съ собою вверхъ на воздухъ. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, многіе попризадумались бы и дорого бы дали, чтобы услыхать добрый совѣтъ. Я же, на сколько съумѣлъ, воспользовался этимъ случаемъ и принялся грести въ воздухѣ фалдами моего кафтана по направленію къ моему жилищу.

Долетѣвъ до мѣста, гдѣ стоялъ мой домъ, я понялъ, что теперь вся штука состояла въ томъ, чтобы спуститься внизъ, не сдѣлавъ себѣ вреда. Для этого я свернулъ головы моимъ уткамъ, одной послѣ другой, вслѣдствіе чего опускаясь мало по малу внизъ, влетѣлъ прямо въ трубу дома и, къ немалому изумленію и испугу моего повара, очутился на кухонномъ очагѣ, въ которомъ, на мое счастіе, еще не разведенъ былъ огонь.

Подобнымъ же образомъ я наловилъ однажды куропатокъ.

Я вышелъ, чтобы испробовать новое ружье и уже истратилъ весь свой запасъ дроби, какъ вдругъ противъ всякаго ожиданія, передъ самымъ моимъ носомъ, поднялась цѣлая стая куропатокъ.

Желаніе видѣть нѣкоторыхъ изъ нихъ на столѣ, за моимъ ужиномъ, навело меня на мысль, которой, дѣйствительно, суждено было увѣнчаться полнымъ успѣхомъ.

Какъ скоро я замѣтилъ, куда именно опустились куропатки, я проворно зарядилъ ружье, вложивъ въ него вмѣсто дроби шомполъ, который кое-какъ, въ торопяхъ, заострилъ съ верхняго конца.

Съ этимъ я подошелъ къ куропаткамъ и, какъ скоро онѣ взлетѣли, спустилъ курокъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ мой шомполъ, украсившись семью штуками куропатокъ, которыя, вѣроятно, не мало изумились, увидавъ себя такъ скоро посаженными на веретелъ, мало по малу спускался на землю въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня.

Словомъ находчивость — какъ я уже замѣтилъ—самое главное въ жизни!

Въ другой разъ, въ одномъ изъ обширныхъ лѣсовъ Россіи, я наткнулся на великолѣпную чернобурую лисицу.

Было невыразимо жаль портить ея драгоцѣнный мѣхъ, стрѣляя дробью или пулею.

Господинъ Рейнеке стоялъ плотно прижавшись къ дереву. Не теряя ни минуты, я вынулъ пулю изъ ружей-

наго ствола и, зарядивъ ружье длиннымъ, толстымъ и острымъ гвоздемъ, выстрѣлилъ, да притомъ такъ ловко, что крѣпко на крѣпко пригвоздилъ къ дереву хвостъ лисицы.

Теперь я спокойно подошелъ къ моей добычѣ, вынулъ охотничій ножъ и нанесъ ей сильный ударъ по мордѣ, послѣ чего, схвативъ кнутъ, я такъ любезно началъ ее стегать, выбивая ее изъ ея роскошной шубы, что смотрѣть на это комичное зрѣлище могло доставить истинное удовольствіе.

Очень часто счастливая случайность заглаживаетъ то одну, то другую ошибку въ нашей жизни. Мнѣ вскорѣ привелось видѣть примѣръ этого. Однажды, среди самой чащи дремучаго лѣса, я увидалъ вепренка и бѣгущую вслѣдъ за нимъ дикую свинью. Я выстрѣлилъ, однако же на этотъ разъ далъ промахъ. Вепренокъ, не останавливаясь, продолжалъ свой бѣгъ, но дикая свинья осталась на мѣстѣ недвижима, словно кто ее крѣпко на крѣпко пригвоздилъ къ землѣ.

Подойдя ближе, я увидалъ, что эта дикая свинья была слѣпа и могла двигаться не иначе какъ держась за хвостъ своего вепренка, который такимъ образомъ тащилъ ее за собой. Пуля моя, пролетѣвъ между обоими животными, порвала эту связь, одинъ конецъ которой все еще жевала престарѣлая свинья. Путеводитель ея исчезъ и не тянулъ ее далѣе, вслѣдствіе чего она, разумѣется, остановилась; и вотъ почему когда я, схвативъ торчавшій изъ ея пасти конецъ хвоста, повелъ ее, то она безъ малѣйшаго сопротивленія послѣдовала за мною и я безъ всякаго труда дотащилъ ее къ себѣ домой.

Но какъ ни страшны бываютъ подъ-часъ дикія свиньи, кабаны несравненно страшнѣе и опаснѣе.

Однажды мнѣ довелось встрѣтить одного въ лѣсу и къ несчастію именно въ такое время, когда при мнѣ не было никакого оружія, слѣдовательно, я не могъ ни напасть, ни обороняться. Еле-еле изловчился я скользнуть и скрыться за дерево, въ ту самую минуту, какъ свирѣпое животное собиралось-было нанести мнѣ ударъ съ боку. Не попавъ въ меня, клыки его ударили объ дерево и такъ глубоко вонзились въ него, что онъ не въ состояніи былъ ни тотчасъ выдернуть ихъ оттуда, ни повторить своего нападенія на меня.

— «Ха-ха, голубчикъ,» — подумалъ я,—«теперь тебѣ не миновать моихъ рукъ, и ты скоро будешь моей добычею».

И мгновенно поднявъ съ земли камень, я изо всѣхъ силъ принялся вколачивать его клыки въ дерево, такъ чтобы онъ никоимъ образомъ не смогъ освободиться.

Послѣ этого онъ, волею неволею, былъ принужденъ терпѣливо ждать, пока я ходилъ въ ближайшую деревню, откуда привезъ телѣгу и веревокъ, чтобы связать мою новую добычу и благополучно доставить ее къ себѣ на домъ; и дѣйствительно, сдѣлать все это мнѣ вполнѣ удалось.

Однажды подъ конецъ охоты, когда мой запасъ дроби былъ уже весь потраченъ, передо мной, совершенно неожиданно, предсталъ великолѣпнѣйшій олень. Онъ смѣло посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, словно предугадывая, что дробница моя пуста. Я же между тѣмъ поспѣшилъ

зарядить ружье порохомъ, а сверху, вмѣсто дроби, всыпалъ цѣлую пригоршню вишневыхъ косточекъ, очистивъ ихъ, на сколько позволяло мнѣ время, отъ мякоти, послѣ чего пустилъ въ оленя весь этотъ зарядъ, который попалъ ему прямо въ лобъ, между рогами.

Выстрѣлъ этотъ оглушилъ его, — онъ пошатнулся, упалъ, но тотчасъ же опять всталъ на ноги и удралъ.

Спустя два года мнѣ привелось опять охотиться въ томъ же самомъ лѣсу, и вотъ, къ величайшему моему изумленію, я вдругъ вижу передъ собою статнаго оленя съ вишневымъ деревомъ, футовъ въ десять вышиною, между рогами.

Тутъ я тотчасъ же вспомнилъ бывшее со мною приключеніе; взглянулъ на этого оленя, какъ на мою давно пріобрѣтенную собственность, и однимъ выстрѣломъ повалилъ его на землю.

Дерево было усыпано вишнями, такими сладкими и вкусными, какихъ я никогда въ своей жизни не ѣдалъ.

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, нерѣдко встрѣчающихся въ жизни храбраго охотника, онъ готовъ ухватиться Богъ знаетъ за что и прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ, лишь бы не упустить благопріятнаго для себя случая. Мнѣ тоже не разъ случалось находиться въ подобномъ затруднительномъ положеніи.

Такъ, напримѣръ, въ Польшѣ мнѣ случилось однажды подъ вечеръ идти лѣсомъ, въ которомъ я успѣлъ уже настрѣлять порядочное количество разной пернатой дичи, а потому не мудрено если истратилъ весь свой запасъ пороха. Возвращаясь домой, я столкнулся носъ къ носу съ

ужаснѣйшимъ медвѣдемъ, разинутая пасть котораго казалась готовою проглотить меня. Тщетно обшаривалъ я въ торопяхъ всѣ свои карманы, надѣясь отыскать въ нихъ дроби и пороху. Я ничего не нашелъ, кромѣ двухъ кремней, которые обыкновенно берутся на всякій случай. Я схватилъ одинъ изъ этихъ кремней и, розмахнувшись, изо всѣхъ силъ глубоко закинулъ его въ разинутую пасть чудовища. Такое угощеніе, очевидно, пришлось моему медвѣдю не по вкусу: онъ повернулъ налѣво-кругомъ, но въ это время мнѣ удалось запустить и съ другаго конца его туловища остальной кремень. Все шло какъ нельзя лучше. Кремни не только проникли вовнутрь медвѣдя, но, столкнувшись между собою, даже произвели огонь, вслѣдствіе чего раздался сильный трескъ, и медвѣдь былъ разорванъ.

Не смотря на то, что я на этотъ разъ избѣжалъ опасности и остался цѣлъ и невредимъ, мнѣ все-таки не хотѣлось бы начинать эту штуку съизнова или вообще связываться съ медвѣдемъ, не имѣя въ рукахъ другихъ средствъ для обороны, кромѣ двухъ кремней.

Но, повидимому, мнѣ до нѣкоторой степени суждено было подвергаться нападеніямъ наиболѣе свирѣпыхъ и опасныхъ звѣрей, именно въ такія минуты, когда я бывалъ лишенъ возможности сопротивляться, словно они инстинктивно угадывали мое безоружное положеніе.

Такъ въ другой разъ на меня, совершенно неожиданно, напалъ свирѣпый волкъ. Онъ находился на такомъ близкомъ разстояніи отъ меня, что мнѣ ниче-

го не оставалось дѣлать, какъ только машинально повиноваться инстинкту и запустить кулакъ въ его открытую пасть. Для бо̀льшей безопасности я старался просунуть руку все дальше и дальше въ его глотку, пока не всунулъ ее до самаго плеча.

Что же оставалось мнѣ дѣлать теперь?

Не могу сказать, чтобы это мое неудобное положеніе мнѣ особенно пришлось по вкусу. Представьте только себѣ—голова объ голову съ волкомъ!

Не особенно нѣжно переглядывались мы другъ съ другомъ. Еслибъ я выдернулъ теперь руку, звѣрь еще съ большею яростію накинулся бы на меня; это ясно и легко читалось въ его сверкающихъ глазахъ. Наконецъ я уцѣпился за внутренности моего врага и, выхвативъ ихъ, какъ выворачиваютъ перчатку, бросилъ съ размаху на землю и оставилъ его лежать въ такомъ видѣ.

Но эту штуку я не дерзнулъ повторить съ бѣшеной собакой, напавшей на меня въ одномъ изъ узкихъ переулковъ Петербурга, вскорѣ послѣ моего приключенія съ волкомъ.

— «Давай Богъ ноги!»—подумалъ я, и, сбросивъ съ себя для бо̀льшаго удобства верхнее платье, со всѣхъ ногъ пустился бѣжать домой.

Платье же свое я приказалъ потомъ слугѣ принести обратно домой и повѣсить въ шкапъ, гдѣ висѣли и остальныя мои платья.

Каково же было мое изумленіе и мой испугъ, когда нѣсколько дней спустя, я услыхалъ восклицаніе моего

*

слуги Ивана: — «Господинъ баронъ, ради Бога, что дѣлать: ваше верхнее платье взбѣсилось!»

Я вскочилъ и поспѣшилъ къ нему на верхъ, гдѣ и увидалъ всѣ мои платья разбросанными и разорванными на клочки.

Иванъ ни на волосъ не ошибся, сказавъ, что верхнее платье мое взбѣсилось.

Я и самъ подоспѣлъ во время и видѣлъ, какъ бѣшеная одежда накинулась на мое великолѣпное новое парадное платье и безжалостно теребила и раздирала его.

Во всѣхъ этихъ приключеніяхъ, — изъ которыхъ мнѣ, конечно, всегда удавалось, хотя и съ трудомъ, выйдти благополучно, — помогалъ мнѣ случай, которымъ, благодаря моей смѣлости и присутствію духа, я постоянно умѣлъ пользоваться съ выгодою для себя. При соединеніи этихъ условій и являются удачливые охотники, счастливые моряки и солдаты. Однакоже крайне неосторожень и вполнѣ достоинъ порицанія былъ бы тотъ охотникъ, генералъ или адмиралъ, который во всемъ и всегда вздумалъ бы полагаться и разсчитывать на случай или на свою счастливую звѣзду, не заботясь ни о примѣненіи ловкости, ни о томъ, чтобы запастись орудіями, которыми обезпечивается успѣхъ. Я далеко не заслуживаю подобнаго порицанія, ибо всегда славился, какъ превосходствомъ своихъ собакъ, лошадей и оружія, такъ и особеннымъ умѣньемъ пользоваться всѣмъ этимъ и, вѣроятно, могу очень основательно похвастать тѣмъ, что оставилъ по себѣ прочную память въ лугахъ, лѣсахъ и на поляхъ. Я вовсе не желаю вдаваться въ по-

дробности о моихъ конюшняхъ, псарняхъ и ружейныхъ помѣщеніяхъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ конюхи, псари и егеря, но двѣ изъ моихъ собакъ такъ отличились на моей службѣ, что я считаю себя не вправѣ забыть ихъ и долженъ, въ настоящемъ случаѣ, упомянуть о нихъ въ немногихъ словахъ.

Одна изъ этихъ собакъ была изъ породы лягавыхъ и отличалась такой неутомимостью, чуткостью и осторожностью, что всякій, кому случалось ее видѣть, завидовалъ мнѣ.

Я могъ употреблять въ дѣло эту собаку и днемъ и ночью; когда наступала ночь, я привязывалъ ей къ хвосту фонарь и, такимъ образомъ, продолжалъ свою охоту ни чуть не хуже, чѣмъ днемъ.

Однажды—это было вскорѣ послѣ моей женитьбы—жена моя выразила желаніе участвовать въ охотѣ. Я поѣхалъ впередъ отыскивать какую нибудь дичь, и вдругъ собака моя остановилась передъ цѣлою стаею куропатокъ; ихъ было тутъ нѣсколько сотенъ. Я тоже остановился въ ожиданіи жены, которая, въ сопровожденіи моего лейтенанта и рейткнехта, должна была выѣхать вслѣдъ за мною; однако никого было не слыхать, не видать.

Наконецъ мною овладѣло безпокойство; я повернулъ лошадь и поѣхалъ обратно къ дому; вдругъ приблизительно на половинѣ дороги слышу жалобные визги. Мнѣ показалось, что стоны эти раздаются гдѣ-то очень близко, а между тѣмъ кругомъ нигдѣ не видно было ни души.

Я слѣзъ съ лошади и приложилъ ухо къ землѣ. Тутъ

я не только услыхалъ, что стоны эти раздаются подъ землею, но еще совершенно отчетливо узналъ въ нихъ голоса моей жены, моего лейтенанта и рейткнехта. Въ то же время я разглядѣлъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ стоялъ, отверстіе каменноугольной копи: увы! дальнѣйшее сомнѣніе становилось невозможнымъ: бѣдная жена моя и ея спутники провалились въ это отверстіе.

Тутъ я во весь опоръ поскакалъ въ ближайшую деревню, чтобы призвать на помощь рудокоповъ, которые, послѣ долгихъ и въ высшей степени трудныхъ усилій, дѣйствительно вытащили, наконецъ, несчастныхъ на свѣтъ Божій изъ глубины девяносто саженной шахты.

Они начали съ того, что вытащили рейткнехта и его лошадь, потомъ вытащили лейтенанта и его лошадь и наконецъ уже мою жену и ея турецкаго клеппера.

Но всего удивительнѣе было то, что ни люди, ни лошади не пострадали отъ этого чудовищнаго паденія, развѣ за исключеніемъ незначительныхъ ушибовъ; но страхъ, пережитый ими, былъ тѣмъ сильнѣе.

Легко можно себѣ представить, что теперь намъ было уже не до охоты; а такъ какъ читатель,—какъ я подозрѣваю,—вѣроятно, и самъ успѣлъ уже забыть о моей собакѣ, то пусть не сѣтуетъ и на меня, если я не вспомнилъ о ней.

На слѣдующее же утро служебныя дѣла принудили меня предпринять путешествіе, изъ котораго возвратился домой не ранѣе, какъ послѣ двухъ недѣль.

Вернувшись домой, я черезъ нѣсколько же часовъ замѣтилъ отсутствіе моей «Діаны».

Никто, во время моего отсутствія, не позаботился о ней; люди мои думали, что она побѣжала вслѣдъ за мною, и теперь, къ величайшему моему горю, ея нигдѣ нельзя было отыскать.

Наконецъ мнѣ пришла въ голову мысль, не осталась ли моя собака на томъ мѣстѣ, гдѣ мы набрели на стаю куропатокъ?

Страхъ и надежда побудили меня тотчасъ же идти туда, и глядь, къ невыразимой радости моей, собака моя стояла на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я оставилъ ее двѣ недѣли тому назадъ.

— «Впередъ!» — крикнулъ я, и собака моя мигомъ бросилась на куропатокъ и я однимъ выстрѣломъ убилъ слишкомъ двадцать пять штукъ.

Но послѣ этого бѣдное животное еле-еле дотащилось до меня, такъ страшно оно исхудало и ослабло. Чтобы доставить мою собаку домой, я былъ принужденъ посадить ее къ себѣ на сѣдло, и, разумѣется, я съ радостью покорился необходимости подвергнуться этому неудобству.

Два-три дня заботливаго ухода и собака моя попрежнему была здорова и весела, а спустя нѣсколько недѣль оказала мнѣ важную услугу тѣмъ, что дала мнѣ возможность разгадать загадку, которая безъ нея осталась бы для меня на вѣки неразгаданною.

Цѣлыхъ два дня я уже охотился за однимъ зайцемъ. Собака моя то и дѣло выгоняла его, но догнать его на разстояніи выстрѣла мнѣ все-таки никакъ не удавалось.

Въ колдовство я никогда не вѣрилъ, къ тому-же

мнѣ случалось видѣть слишкомъ много чудеснаго на своемъ вѣку; но тутъ я растерялся, сталъ въ тупикъ и не зналъ, что думать.

Однакоже въ концѣ концовъ заяцъ мой очутился отъ меня на разстояніе выстрѣла. Я спустилъ курокъ, онъ повалился;—но какъ описать изумленіе, овладѣвшее мною, когда я ближе разсмотрѣлъ этого зайца!

Кромѣ обыкновенныхъ четырехъ ногъ онъ имѣлъ еще четыре запасныя ноги на спинѣ. Когда нижнія ноги его уставали, онъ, какъ искусный пловецъ, умѣющій плавать на спинѣ и на животѣ, переворачивался и съ удвоенной скоростью пускался бѣжать на своей другой, отдохнувшей парѣ.

Подобнаго зайца я никогда не встрѣчалъ, да и этотъ, вѣроятно, ускользнулъ бы отъ меня, еслибъ собака моя не была одарена такою необыкновенною ловкостью. Діана, въ сравненіи съ другими собаками, обладала такими превосходствами, что я, конечно, не задумался бы назвать ее *единственною*, еслибъ эту честь не оспаривала у ней другая моя собака, по прозвищу «Вихрь».

Животное это отличалось не столько ростомъ, сколько быстротою и легкостью своего бѣга. Всѣ, кому случалось видѣть эту собаку, удивлялись ей и вполнѣ понимали мою привязанность къ ней и причину почему я такъ любилъ охотиться преимущественно съ ней. Вихрь бѣгалъ такъ быстро и къ тому-же ему приходилось упражняться въ этомъ такъ часто въ продолженіе многолѣтней службы у меня, что подъ-конецъ онъ совсѣмъ отбилъ себѣ ноги и онѣ сдѣлались у него чрезвычайно

коротки, едва замѣтны. Вотъ почему, въ послѣдніе годы его жизни, я могъ его употреблять только ради его тонкаго чутья, чѣмъ онъ и служилъ мнѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ то время, когда собака эта была еще «Вихремъ» — между прочимъ надо замѣтить, что это была самка — какъ-то разъ она погналась за зайцемъ. Еле-еле поспѣвалъ я за ней верхомъ, и то на очень большомъ разстояніи. Вдругъ слышу раздалось многоголосное тявканье,— словно лаяла цѣлая свора собакъ, но такое слабое и нѣжное, что я совершенно не зналъ, чему приписать это. Подъѣхавъ ближе, я увидалъ передъ собой чудо изъ чудесъ.

Зайчиха и моя собака обѣ, на бѣгу, произвели на свѣтъ одинаковое количество одна щенятъ, другая зайчатъ. Повинуясь инстинкту зайчата ударили въ бѣгство, а щенки не только погнались за ними, но и словили нѣкоторыхъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что я, предпринявъ охоту съ одной собакой, въ концѣ пріобрѣлъ разомъ шесть зайцевъ и шесть собакъ.

Объ этой удивительной собакѣ я вспоминаю съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ вспоминаю о превосходной литовской лошади, какую ни за какія деньги не купишь. Пріобрѣлъ я ее, благодаря одному случаю, который доставилъ мнѣ возможность выказать, не безъ славы для себя, мое искусство въ наѣздничествѣ.

Я гостилъ въ то время въ великолѣпномъ помѣстьи графа Прцобовскаго, въ Литвѣ. Однажды я сидѣлъ вмѣстѣ съ дамами въ гостиной, за чаемъ, между тѣмъ,

какъ всѣ мужчины отправились во дворъ поглядѣть на только что приведеннаго кровнаго жеребца. Вдругъ раздались и долетѣли до насъ крики, призывающіе на помощь.

Я стремглавъ сбѣжалъ по лѣстницѣ внизъ и, очутившись во дворѣ, увидалъ, что молодая лошадь эта такъ дика и неукротима, что никто не осмѣливался не только сѣсть на нее, но даже и подойти къ ней близко.

Пораженные и смущенные, неподвижно стояли тутъ самые неустрашимые наѣздники; страхъ и тревога выразились на всѣхъ лицахъ, когда я, однимъ прыжкомъ, очутился на спинѣ лошади, которую эта неожиданность не только осадила, но и совершенно укротила и успокоила, благодаря моему умѣнію править ею.

Чтобы лучше выказать мое наѣздническое искусство передъ дамами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для того, чтобы разсѣять ихъ напрасный страхъ, я заставилъ коня вскочить вмѣстѣ со мною въ одно изъ открытыхъ оконъ гостиной. Тутъ я нѣсколько разъ проѣхался попеременно то шагомъ, то рысью, то галопомъ, и наконецъ, вскочивъ съ конемъ на чайный столъ, продѣлалъ, въ маленькихъ размѣрахъ, конечно, всю высшую школу наѣздничества, что привело моихъ дамъ въ неописанный восторгъ. При этомъ лошадь моя выказала въ высшей степени удивительную ловкость, не разбивъ ни чайника, ни чашекъ.

Этотъ подвигъ мой такъ возвысилъ меня въ глазахъ дамъ и самого графа, что онъ, съ обычной ему веселостью, упросилъ меня принять въ подарокъ укрощенную

мною лошадь и отправиться на ней въ походъ, который вскорѣ долженъ былъ быть предпринятъ, подъ предводительствомъ графа Миниха, противъ турокъ, съ цѣлью побѣдить и покорить ихъ.

Трудно было сдѣлать мнѣ подарокъ, который доставилъ бы мнѣ бо̀льшее удовольствіе, тѣмъ болѣе, что онъ служилъ мнѣ какъ бы залогомъ многаго хорошаго въ походѣ, который долженъ былъ быть первымъ испытаніемъ моихъ воинскихъ способностей. Этотъ послушный, неустрашимый и ретивый конь—агнецъ и въ тоже время Буцефалъ — необходимо долженъ былъ во всякое время напоминать мнѣ обязанность каждаго храбраго солдата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и великіе подвиги, совершенные въ сраженіяхъ юнымъ воиномъ Александромъ Македонскимъ.

Походъ, какъ кажется, былъ предпринятъ отчасти съ цѣлью возстановить репутацію русскаго оружія, нѣсколько пострадавшаго при рѣкѣ Прутѣ, въ войну царя Петра съ турками.

Цѣль эта была вполнѣ достигнута послѣ нѣсколькихъ трудныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достославныхъ походовъ, совершенныхъ подъ предводительствомъ упомянутаго великаго полководца.

Скромность не позволяетъ подчиненному приписывать себѣ великіе подвиги и побѣды, хвала и честь которыхъ обыкновенно воздается предводителямъ.

Вотъ почему я и не изъявляю особенныхъ притязаній на честь и славу, пріобрѣтенныя въ великихъ схваткахъ съ непріятелемъ. Отдѣльно и вмѣстѣ каж-

дый исполнялъ свою обязанность,—выраженіе, имѣющее на языкѣ патріота, солдата и всѣхъ храбрыхъ людей очень важное и широкое значеніе. Имѣя подъ своею командою отрядъ гусаровъ, я часто предпринималъ съ ними небольшія экскурсіи, въ которыхъ все зависѣло отъ моей храбрости и личнаго умѣнія распорядиться. Успѣшный исходъ въ этихъ стычкахъ долженъ, мнѣ кажется, по всей справедливости, быть приписанъ мнѣ и храбрымъ молодцамъ, находившимся подъ моимъ предводительствомъ.

Однакоже, когда мы вогнали турокъ въ Очаковъ, у нихъ съ нашимъ авангардомъ завязалось очень жаркое дѣло, и мой горячій литовскій конь чуть было не примчалъ меня въ самое пекло сраженія.

Мой форпостъ былъ довольно отдаленъ; я видѣлъ, какъ непріятель, одѣтый облакомъ пыли, приближался ко мнѣ, причемъ настоящее число его и намѣреніе оставались для меня совершенно неизвѣстны. Окружить себя подобнымъ же облакомъ пыли было бы для меня дѣломъ, конечно, весьма простымъ, хотя собственно говоря, оно нисколько не могло подвинуть меня къ достиженію той цѣли, съ которой былъ я посланъ.

Тѣмъ не менѣе, я отдалъ приказаніе моимъ фланкерамъ съ обоихъ крыльевъ разсыпаться направо и налѣво и поднять возможно больше пыли. Самъ же тѣмъ временемъ поскакалъ прямо на непріятеля, чтобы ближе разсмотрѣть его, что мнѣ вполнѣ удалось сдѣлать. Враги стояли и усердно дрались, пока не овладѣлъ ими страхъ при видѣ моихъ фланкеровъ, и они въ безпоряд-

Art. Anst. v. E. Hochdanz, Stuttgart.

кѣ ударили въ бѣгство. Теперь наступила минута смѣло грянуть на нихъ, что мы и сдѣлали, и, такимъ образомъ, разбили турокъ на голову. Пораженіе врага было полное: мы не только загнали его обратно въ крѣпость, но еще прогнали его сквозь крѣпость, въ противоположныя ворота.

Благодаря быстротѣ моего литовскаго коня, я былъ во главѣ преслѣдователей. Увидавъ, что непріятель, вбѣжавъ въ одни ворота, скоро выбѣжалъ въ противоположныя, я счелъ за лучшее остановиться на базарной площади и велѣть трубить сборъ.

Я остановилъ своего коня; но представьте мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что около меня нѣтъ ни трубачей и ни одного изъ моихъ гусаровъ.

— «Не скачутъ ли они по другимъ улицамъ?»—подумалъ я,—«или не сдѣлалось ли съ ними чего?»

Однакоже по моимъ соображеніямъ они непремѣнно должны были находиться гдѣ нибудь по близости и скоро догнать меня.

Въ ожиданіи ихъ появленія я подъѣхалъ, чтобы напоить моего взмыленнаго коня, къ находившемуся на площади фонтану. Тутъ скакунъ мой принялся тянуть воду съ такою неумѣренностью и жадностью, словно никакъ не могъ утолить своей жажды, что̀ сначала удивило меня, но потомъ оказалось совершенно естественнымъ. Обернувшись, чтобы взглянуть, не ѣдутъ ли мои молодцы, я увидалъ—но кто въ силахъ описать удивленіе, овладѣвшее мною при видѣ того, что представилось моимъ глазамъ? Вся задняя часть бѣднаго животнаго,

крестецъ и ноги были словно отрублены, и вода, не останавливаясь, не освѣжая и не утоляя жажды несчастнаго коня, вытекала сзади по мѣрѣ того, какъ онъ впускалъ ее спереди.

Какимъ образомъ случилось это несчастіе — оставалось для меня полнѣйшею тайною, пока, наконецъ, не прискакалъ съ совершенно противоположной стороны мой конюхъ и, пересыпая свою рѣчь потоками искреннихъ пожеланій мнѣ счастья, разсказалъ слѣдующее:

Когда я, среди разгара сраженія и преслѣдуя врага, проникалъ въ ворота крѣпости, шлагбаумъ внезапно опустили, чѣмъ и отрубили заднюю часть моей лошади. Сперва упомянутая часть, безпрерывно лягаясь, производила страшныя опустошенія среди враговъ, которые, ничего не видя и не слыша, упорно ломились въ ворота, а затѣмъ побѣдоносно удалилась на вблизи лежащій лугъ, гдѣ, вѣроятно, я и найду ее. Услыхавъ это, я поспѣшилъ повернуть на лѣво кругомъ на оставшейся подо мною половинѣ лошади, которая съ необъяснимою скоростью перенесла меня на пастбище. Тутъ, къ величайшему моему удовольствію, я дѣйствительно увидалъ другую половину коня, спокойно расхаживающую по лугу.

Имѣя передъ глазами несомнѣнныя доказательства въ томъ, что въ обѣихъ половинахъ моей лошади жизнь еще не прекращалась, я немедленно же приказалъ позвать полковаго кузнеца. Этотъ послѣдній, не задумываясь, сшилъ обѣ части находившимися подъ руками молодыми побѣгами лавроваго дерева. Рана скоро зажила, но при этомъ случилось нѣчто такое, что могло случиться

только съ такимъ славнымъ конемъ. Побѣги, пустивъ корни въ его туловищѣ, выросли и, соединясь вѣтвями, образовали бесѣдку, такъ что послѣ этого я часто ѣзжалъ верхомъ осѣненный лаврами, принадлежавшими какъ мнѣ, такъ и коню моему.

Упомяну вскользь о другомъ маленькомъ неудобствѣ, случившимся со мною вслѣдствіе этой схватки съ непріятелемъ.

Я такъ долго, такъ сильно и такъ неутомимо рубилъ врага, что наконецъ рука моя, привыкнувъ къ этому движенію, невольно продолжала рубить и тогда, когда непріятеля давно уже и слѣдъ простылъ.

Чтобы не бить, ни за что, ни про что, себя и людей, подходившихъ ко мнѣ слишкомъ близко, я былъ принужденъ дней восемь носить руку въ перевязкѣ, словно раненую.

Человѣку, съумѣвшему укротить такую лошадь, каковъ былъ мой литовскій конь, конечно легко повѣрятъ, что онъ совершилъ и другія лихія штуки высокаго наѣздничества, которыя многимъ могутъ казаться отчасти баснословными.

Мы осаждали, — ужъ не помню теперь хорошенько какой именно городъ, — и нашему фельдмаршалу было очень важно пріобрѣсти точныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла внутри непріятельской крѣпости. Проникнуть въ эту крѣпость было чрезвычайно трудно, или вѣрнѣе сказать — почти невозможно, благодаря множеству наставленныхъ форпостовъ, стражъ и крѣпостныхъ работъ; къ тому-же и у насъ не оказа-

лось такого молодца, который былъ бы способенъ благополучно повести это дѣло и разузнать кое о чемъ.

Увлеченный моей ревностью къ службѣ и отвагой, я, нѣсколько необдуманно, прижался плотно къ устью пушки, которая не замедлила прогремѣть по направленію къ крѣпости; тутъ я мигомъ вскочилъ на вылетѣвшее ядро, съ намѣреніемъ перелетѣть на немъ въ непріятельское укрѣпленіе.

Однакоже, на половинѣ моего воздушнаго путешествія разныя не особенно успокоительныя соображенія полѣзли мнѣ въ голову.

— «Гмъ!» — размышлялъ я, — «влетѣть-то ты туда навѣрное теперь влетишь, какъ-то выберешься? И что-то ожидаетъ тебя въ крѣпости? Тебя непремѣнно примутъ тамъ за шпіона и разумѣется не замедлятъ повѣсить на ближайшей висѣлицѣ. А такой чести я право желалъ бы, чтобы мнѣ не дѣлали.»

Послѣ такихъ размышленій, я быстро рѣшилъ, что́ мнѣ дѣлать, и, набросивъ наскоро планъ непріятельскихъ укрѣпленій, внесъ его въ свою записную книжку. Затѣмъ, воспользовавшись счастливой случайностью, перескочилъ съ моего ядра на другое ядро, летѣвшее въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, но въ противоположную сторону, т. е. изъ крѣпости въ нашъ лагерь, и такимъ образомъ благополучно вернулся къ моимъ товарищамъ.

Моя лошадь ничуть не уступала мнѣ въ ловкости и готовности скакать. Меня не могли остановить ни рвы, ни заборы; я не обращалъ на нихъ вниманія и всегда избиралъ кратчайшій путь.

Однажды я погнался за зайцемъ, бѣжавшимъ поперегъ улицы. Въ эту самую минуту между мною и преслѣдуемымъ зайцемъ проѣзжала карета, въ которой сидѣли двѣ молодыя и очень знатныя дамы. Но это обстоятельство ничуть не смутило моего коня: не останавливаясь онъ проскакалъ сквозь карету, стекла которой были опущены, и сдѣлалъ это такъ ловко и такъ быстро, что я едва успѣлъ снять шляпу и почтительно извиниться передъ дамами за такую вольность.

Въ другой разъ я возъимѣлъ желаніе переѣхать болото, которое съ перваго взгляда показалось мнѣ далеко не такимъ обширнымъ, какимъ оказалось послѣ, когда я приводилъ уже свое намѣреніе въ исполненіе. Паря въ воздухѣ, я повернулъ налѣво кругомъ и, чтобы дальше хватить, перескочилъ со всего разбѣга. Однакоже одного прыжка было мало; я скочилъ вторично, но и на этотъ разъ не доскочилъ, а провалился не далеко отъ берега по самую шею въ болото. Тутъ я непремѣнно бы погибъ, еслибъ не сила собственной руки: ухватясь за свою же косу, я вытащилъ и себя и лошадь, которую крѣпко держалъ, сжимая ее ногами.

Несмотря на мою храбрость и сметливость, несмотря на быстроту, ловкость и силу моего коня, со мною, въ продолженіе турецкой кампаніи, случилось многое наперекоръ моимъ желаніямъ.

Разъ какъ-то, побѣжденный численностью, я былъ сдѣланъ военно-плѣннымъ.

Но хуже всего было то, что турки, взявъ меня въ плѣнъ, по своему обычаю продали въ рабы.

Въ бытность мою въ плѣну, меня заставляли исполнять поденную работу, которая была не столько тяжела и горька, сколько скучна и необыкновенна; а именно я обязанъ былъ каждое утро выгонять на пастбище султанскихъ пчелъ, цѣлый день стеречь ихъ тамъ, а къ вечеру загонять обратно въ ульи.

Какъ-то разъ, вечеромъ, я замѣтилъ, что во ввѣренномъ мнѣ роѣ не достаетъ одной пчелы, и въ тоже время увидалъ двухъ медвѣдей, которые нападали на потерянную пчелу, съ намѣреніемъ разорвать ее и попользоваться ея медомъ. Не имѣя подъ рукой другаго оружія, кромѣ серебрянаго топорика, служившаго отличительнымъ знакомъ султанскихъ садовниковъ и земледѣльцевъ, я бросилъ его въ разбойниковъ съ надеждою испугать и разогнать ихъ.

И въ самомъ дѣлѣ этимъ я спасъ бѣдную пчелу, но топорикъ мой, вслѣдствіе черезъ-чуръ сильнаго розмаха руки, взлетѣлъ чрезвычайно высоко и продолжалъ подниматься все выше и выше, пока, наконецъ, не упалъ на луну.

Какъ достать его оттуда? Гдѣ найти такую лѣстницу, чтобы можно было слазить за нимъ?

Но тутъ внезапно вспомнилъ я, что турецкіе бобы выростаютъ чрезвычайно быстро и притомъ достигаютъ необыкновенной высоты.

Не теряя времени, я поспѣшилъ посадить одинъ изъ такихъ бобовъ, который, дѣйствительно, не замедлилъ подняться очень высоко и вскорѣ прицѣпился своими усиками къ одному изъ роговъ луны.

Теперь я смѣло полѣзъ по бобамъ на луну, куда и прибылъ совершенно благополучно. Но найти мой серебряный топорикъ тамъ, гдѣ всѣ остальные предметы блестѣли какъ серебро, было довольно трудно; тѣмъ не менѣе наконецъ я нашелъ-таки его на грудѣ мякины и рубленой соломы.

Теперь оставалось сойти внизъ. Но увы! солнечные лучи тѣмъ временемъ совершенно спалили мои бобы, такъ что нельзя было и думать сойти по нимъ.

Что дѣлать?—Я принялся плести и сплелъ на сколько могъ длинную веревку изъ соломы; затѣмъ, прикрѣпивъ одинъ изъ ея концовъ къ рогу луны, я началъ спускаться по ней. Правой рукой я крѣпко накрѣпко держался за веревку, а въ лѣвой держалъ топоръ. Видя, что веревка коротка, я, по мѣрѣ того какъ спускался, отрубалъ ненужный конецъ ея, перекидывалъ его внизъ, связывалъ узломъ и такимъ образомъ изловчился спуститься довольно далеко. Такое частое обрубаніе и перевязываніе веревки, разумѣется, не могло увеличить ея прочности; она становилась все менѣе и менѣе надежною по мѣрѣ того, какъ я приближался къ помѣстью султана. На разстояніи двухъ трехъ миль отъ земли веревка моя вдругъ порвалась, и я упалъ съ высоты облаковъ такъ стремительно, что остался совсѣмъ оглушенымъ отъ такого паденія.

Тѣло мое, падая съ такой высоты, своею тяжестью пробило въ землѣ яму, глубиною по меньшей мѣрѣ въ девять сажень.

Наконецъ я очнулся; но теперь я не зналъ, какъ мнѣ

умудриться, чтобы выбраться изъ моей могилы. Но нужда чему не научитъ? Я вырылъ ногтями нѣчто похожее на лѣстницу, и такимъ образомъ благополучно выкарабкался на свѣтъ Божій.

Наученый тяжелымъ опытомъ, я въ послѣдствіи сталъ умнѣе и изобрѣлъ болѣе удобный способъ избавляться отъ медвѣдей, такъ охотно нападавшихъ на моихъ пчелъ и ихъ ульи. А именно я намазалъ медомъ дышло телѣги, а самъ, скрываясь въ засадѣ, ложился по ночамъ гдѣ нибудь по близости.

Предположеніе мое дѣйствительно сбылось. Привлеченный сладкимъ запахомъ меда, чудовищный медвѣдь не замедлилъ явиться и принялся съ такою жадностью облизывать конецъ дышла, что вскорѣ почти вся палка, пройдя черезъ глотку и животъ, очутилась въ его туловищѣ. Увидавъ, что онъ такъ усердно нализался и пропустилъ насквозь больше половины палки, я подбѣжалъ и вколотилъ сзади въ отверстіе дышла толстый и длинный деревянный гвоздь, чтобы отнять у лакомки всякую возможность отступленія, послѣ чего оставилъ его въ такомъ положеніи до слѣдующаго утра.

Великій султанъ, проходя случайно мимо и увидавъ эту штуку, смѣялся до слезъ.

Вскорѣ послѣ этого русскіе заключили съ турками миръ, и меня, вмѣстѣ съ другими военно-плѣнными отослали обратно въ Петербургъ. Но, возвратясь въ эту столицу, я вышелъ въ отставку и покинулъ Россію.

Въ тотъ годъ во всей Европѣ господствовала такая суровая зима, что солнце, какъ надо думать, пострадало

какимъ нибудь образомъ отъ сильныхъ морозовъ, и съ тѣхъ поръ до настоящаго дня постоянно хвораетъ. Вотъ почему мнѣ пришлось, на моемъ возвратномъ пути въ отечество, испытать гораздо болѣе неудобствъ, чѣмъ тогда, когда я ѣхалъ въ Россію.

Во-первыхъ я былъ вынужденъ ѣхать на почтовыхъ, такъ какъ мой литовскій конь остался въ Турціи.

Проѣзжая по узкой дорогѣ въ лощинѣ, обнесенной съ обѣихъ сторонъ высокимъ терновымъ плетнемъ, я напомнилъ ямщику его обязанность затрубить въ рогъ и этимъ подать сигналъ для избѣжанія столкновенія, въ этомъ узкомъ проходѣ, съ какимъ-либо другимъ на встрѣчу ѣдущимъ экипажемъ. Ямщикъ послѣдовалъ моему совѣту и тотчасъ же принялся изо всѣхъ силъ трубить въ свой рожокъ; но всѣ его старанія оставались тщетными. Инструментъ его не издавалъ ни малѣйшаго звука, что было для насъ совершенно необъяснимо, и даже могло быть сочтено за несчастіе, такъ какъ вскорѣ вдали показалась мчавшаяся намъ навстрѣчу другая карета, миновать которую было невозможно. Тѣмъ не менѣе я выскочилъ изъ экипажа и перво наперво выпрягъ лошадей; затѣмъ, взваливъ карету со всѣми ея принадлежностями, колесами и поклажею, себѣ на плечи, я перескочилъ черезъ плетень, футовъ восемь вышиною; сдѣлать это было не совсѣмъ таки легко, если принять въ соображеніе тяжесть кареты; такимъ образомъ я очутился въ полѣ, по ту сторону плетня. Послѣ этого, сдѣлавъ обратный скачекъ, который перенесъ меня опять на дорогу, я поспѣшилъ къ лошадямъ,

и, захвативъ, каждую изъ нихъ подъ мышку, переправился въ два скачка опять черезъ заборъ, въ поле, гдѣ и велѣлъ снова впречь ихъ въ карету, послѣ чего уже благополучно доѣхалъ до конца станціи и добрался до постоялаго двора.

Мнѣ слѣдуетъ прибавить еще, что одна изъ этихъ лошадей, очень горячая молодая лошадь, лѣтъ восьми не болѣе, вздумала-было шалить. Когда я совершалъ второй скачокъ черезъ заборъ, она своимъ фырканіемъ и ляганіемъ очень стѣсняла мои движенія. Однакоже я скоро съумѣлъ положить конецъ этому, а именно тѣмъ, что засунулъ заднія ея ноги въ карманъ моего кафтана.

На постояломъ дворѣ мы нѣсколько отдохнули отъ нашихъ дорожныхъ приключеній. Ямщикъ повѣсилъ свой рожокъ въ кухнѣ на гвоздь подлѣ очага, а я помѣстился напротивъ.

Что же случилось теперь!

Вдругъ слышимъ мы: тренгъ! тренгъ! тенгъ! тенгъ! Сначала отъ удивленія мы вытаращили глаза, но скоро намъ стала ясна и понятна причина, почему дорогою ямщикъ, не взирая на все свое стараніе, не могъ добиться звуковъ изъ своего рожка. Звуки эти, по мѣрѣ того какъ онъ трубилъ, замерзали внутри инструмента, а теперь, оттаивъ, звонко и отчетливо раздавались къ немалой чести нашего ямщика. Не прикладывая рта къ своему инструменту, честный парень въ продолженіе довольно долгаго времени забавлялъ насъ самыми отборными мелодіями. Мы имѣли удовольствіе прослушать прусскій маршъ—«ach, lieber Augustin», — «стою-ль во

мракѣ ночи» и много еще другихъ мотивовъ, между прочимъ и вечернюю пѣснь: «всѣ лѣса теперь спятъ», чѣмъ и закончилась эта шутка сыгранная съ нами морозомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсказъ о моемъ путешествіи по Россіи.

* *
*

Разсказы очень многихъ путешественниковъ подъчасъ совершенно лишены вѣроятности, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если читатели или слушатели бываютъ отчасти склонны къ невѣрію. Но если между моими юными читателями найдутся такіе, которые усомнятся въ моей правдивости, то я, отъ души жалѣя ихъ за ихъ невѣріе, долженъ просить закрыть книгу и не читать моихъ еще болѣе чудныхъ, хотя не съ меньшей добросовѣстностью и правдивостью записанныхъ похожденій на морѣ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

БАРОНА МЮНХАУЗЕНА

НА МОРѢ

ПЕРВОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

Первое въ моей жизни путешествіе, совершенное задолго до моего путешествія въ Россію, кое-какіе случаи изъ котораго я только-что разсказалъ, было морское путешествіе.

Я еще находился,—какъ дразнилъ меня очень часто мой дядя, самый чернобородый гусарскій полковникъ, какого мнѣ когда-либо случалось видѣть,—«въ тяжбѣ съ гусями», и вопросъ, былъ ли бѣлый пушекъ на моемъ подбородкѣ зародышемъ пуха или бороды, былъ еще не рѣшенъ, какъ уже путешествіе было единственнымъ предметомъ всѣхъ помысловъ и стремленій моего сердца.

А такъ какъ отецъ мой, во-первыхъ, и самъ провелъ почтенную часть своей молодости въ странствованіяхъ, а во-вторыхъ не разъ коротал длинные зимніе вечера, разсказывая мнѣ, откровенно и безъ прикрасъ, свои приключенія, то можно также основательно приписать

мою страсть къ путешествіямъ врожденному чувству, какъ и чувству, съ дѣтства внушенному.

Довольно вамъ сказать, что я хватался за каждый удобный и неудобный случай, чтобы выпросить или упорствомъ добыть удовлетвореніе моему непреодолимому желанію видѣть свѣтъ, — но всѣ мои старанія оставались тщетными. Если мнѣ когда и удавалось смягчить нѣсколько отца, то тѣмъ сильнѣе возставали противъ моихъ просьбъ и стояли на своемъ мать моя и тетушка, такъ что черезъ нѣсколько минутъ все выигранное мною долгими и самыми обдуманными подходами обращалось въ ничто.

Но вотъ случилось такъ, что насъ посѣтилъ одинъ изъ родственниковъ моей матери. Очень скоро я сдѣлался его любимцемъ; онъ часто называлъ меня хорошенькимъ и славнымъ мальчикомъ и говорилъ, что готовъ содѣйствовать всѣми силами осуществленію моего завѣтнаго желанія.

Краснорѣчіе его дѣйствительно оказалось болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ мое; послѣ многихъ представленій, долгихъ толковъ за и противъ, безконечныхъ возраженій и отговорокъ было, наконецъ, рѣшено, къ неописанной моей радости, что я буду сопровождать дядю въ предполагаемое имъ путешествіе на островъ Цейлонъ, гдѣ дядя его уже нѣсколько лѣтъ служилъ въ качествѣ губернатора.

Снабженные важными порученіями отъ правительства голландскихъ штатовъ, мы сѣли на корабль и отплыли изъ Амстердама.

Путешествіе наше, за исключеніемъ необыкновенно сильной бури, не представляло ничего особеннаго. Но объ этой бурѣ, ради ея удивительныхъ послѣдствій, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Буря эта поднялась именно въ то время, когда мы, чтобы возобновить свой запасъ дровъ и воды, стали на якорь не далеко отъ острова, и бушевала съ такою силою, что вырвала изъ земли съ корнями большое количество необыкновенно толстыхъ и высокихъ деревъ, которыя безжалостно крутила въ воздухѣ.

Несмотря на то, что нѣкоторыя изъ этихъ деревъ вѣсили нѣсколько сотъ центнеровъ, они казались, вслѣдствіе страшной высоты, на которую взлетѣли—по меньшей мѣрѣ пять миль отъ земли—не болѣе какъ маленькими птичьими перышками, по временамъ летающими по воздуху. А между тѣмъ, какъ скоро буря улеглась, каждое дерево упало въ вертикальномъ положеніи на свое прежнее мѣсто и тотчасъ же снова пустило корни, такъ что черезъ нѣсколько минутъ не оставалось никакихъ слѣдовъ опустошенія.

Только одно, самое большое дерево составило въ этомъ случаѣ исключеніе. Въ то самое время, когда сила бури вырвала это дерево изъ земли, на вѣтвяхъ его сидѣли мужъ съ женою, занятые собираніемъ огурцовъ: великолѣпный этотъ плодъ растетъ въ этой части свѣта на деревьяхъ. Почтенная чета покорно отправилась совершать, вмѣстѣ съ деревомъ, это неожиданное для нея воздушное путешествіе; но тяжесть ея была причиною того, что дерево уклонилось отъ вертикальнаго на-

правленія и опустилось на землю въ горизонтальномъ положеніи. Надо замѣтить, что когда поднялась буря, милостивѣйшій властелинъ этого острова, равно какъ и большинство жителей онаго, покинули свои жилища, опасаясь быть зарытыми подъ развалинами. Когда буря утихла, владѣлецъ собрался было вернуться къ себѣ домой, и для этого проходилъ черезъ свой садъ, какъ вдругъ съ высоты со свистомъ и шелестомъ грянуло на него дерево и къ счастью убило тутъ же на мѣстѣ.

— «Къ счастью?»

— «Да, да къ счастью, ибо этотъ отецъ отечества былъ, съ позволенія сказать, гнуснѣйшій тиранъ, а бѣдные жители острова, не исключая даже и его любимцевъ, самыя жалкія и несчастныя созданія, живущія подъ луною.

Съѣстные припасы гнили въ его житницахъ и амбарахъ, между тѣмъ какъ его подданные, изъ которыхъ выжимались эти припасы, умирали съ голоду. Никакіе внѣшніе враги никогда не угрожали его острову, а тѣмъ не менѣе онъ набиралъ войско и отъ времени до времени, даже продавалъ его тому изъ монарховъ, который давалъ наибо́льшую за него цѣну, и все это только для того, чтобы къ унаслѣдованному отъ отца милліону раковинъ присоединить еще новые милліоны.

Въ благодарность за важную услугу, которую оказала своимъ согражданамъ, конечно совсѣмъ случайно, чета, собиравшая огурцы, жители острова, посадили ее на упраздненный престолъ.

Починивъ, значительно пострадавшій отъ этой бури,

корабль и раскланявшись съ новымъ монархомъ и его супругой, мы подняли якорь. Вѣтеръ былъ благопріятный, и мы благополучно доѣхали, послѣ шестинедѣльнаго плаванія, до острова Цейлона.

Спустя недѣли двѣ послѣ нашего пріѣзда, старшій сынъ губернатора предложилъ мнѣ идти вмѣстѣ съ нимъ на охоту, на что я, конечно, съ радостью согласился.

Новый другъ мой былъ рослый и сильный мужчина, давно свыкшійся съ жаркимъ климатомъ страны; но я черезъ нѣсколько времени ходьбы, очень умѣреннымъ шагомъ, дотого утомился и ослабъ, что, когда мы вошли въ лѣсъ, далеко отсталъ отъ него.

Я уже собрался-было присѣсть на берегу чрезвычайно быстраго потока, чтобы немного отдохнуть, какъ вдругъ услыхалъ за собой, на только-что пройденной мною дорогѣ, шумъ и шелестъ шаговъ.

Я оглянулся и чуть было не окаменѣлъ отъ ужаса, увидавъ бѣгущаго прямо на меня чудовищнаго тигра, свирѣпый видъ котораго ясно говорилъ о его твердомъ намѣреніи позавтракать моимъ несчастнымъ трупомъ, не испросивъ даже моего согласія на это. Ружье мое было заряжено только дробью. Ни время, ни мое смущеніе не позволяли мнѣ долго раздумывать, а потому я и рѣшился выстрѣлить въ звѣря, въ надеждѣ, что выстрѣлъ мой, если и не ранитъ, то по меньшей мѣрѣ испугаетъ его. Но въ страхѣ я не разсчелъ разстоянія и выстрѣлилъ прежде, чѣмъ тигръ подошелъ ко мнѣ достаточно близко; вслѣдствіе этого онъ еще пуще разсвирѣпѣлъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать прямо на меня.

Повинуясь скорѣе инстинкту, чѣмъ разуму, я хотѣлъ было попытаться прибѣгнуть къ невозможному — т. е. бѣжать. Оборачиваюсь, и чтоже я вижу—но нѣтъ, при одной мысли объ этомъ меня и теперь еще пробираетъ дрожь: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стоялъ чудовищный крокодилъ, страшно разинутая пасть котораго, казалось, готова была меня проглотить.

Представьте себѣ весь ужасъ моего положенія!. Впереди меня тигръ, позади крокодилъ, налѣво быстрый потокъ, направо пропасть, которая, какъ я узналъ потомъ, кишитъ ядовитыми змѣями.

Ошеломленный—чего нельзя было бы поставить въ вину даже Геркулесу, еслибъ онъ находился въ подобномъ положеніи—я безъ чувствъ упалъ на землю. Мысли мои—на сколько я сохранилъ способность мыслить—были всѣ поглощены страшнымъ ожиданіемъ почувствовать на моемъ тѣлѣ зубы или когти разъяреннаго хищнаго звѣря, или очутиться въ пасти у крокодила. Однако черезъ нѣсколько секундъ я услыхалъ надъ собою сильные и совершенно незнакомые для меня звуки. Наконецъ я отважился приподнять голову, чтобы посмотрѣть вокругъ себя и—о чудо! тигръ, ослѣпленный яростью, съ которой устремился на меня въ ту самую минуту, какъ я падалъ на землю, прыгнулъ мимо, и вмѣсто того, чтобы броситься на меня, вскочилъ самъ прямо въ разинутую пасть крокодила.

Такимъ образомъ, голова одного животнаго очутилась въ глоткѣ другаго, и оба они рвались изо всѣхъ силъ, чтобы только освободиться другъ отъ друга.

Вскочивъ во время на ноги и вытащивъ свой охотничій ножъ, я однимъ ударомъ отсѣкъ голову тигра, такъ что туловище его съ судорожными конвульсіями покатилось къ моимъ ногамъ. Затѣмъ прикладомъ ружья я всадилъ голову тигра еще глубже въ пасть крокодила, который, разумѣется, не могъ не подавиться ею.

Вскорѣ послѣ того, какъ я одержалъ эту славную побѣду надъ двумя страшнѣйшими врагами, ко мнѣ присоединился мой товарищъ, желая узнать причину, почему я такъ отсталъ отъ него.

Послѣ обоюдныхъ поздравленій и пожеланій счастія, мы принялись измѣрять величину крокодила. Оказалось, что въ длину онъ имѣлъ восемь парижскихъ футовъ и семь дюймовъ.

Когда мы разсказали губернатору это необыкновенное приключеніе, онъ тотчасъ послалъ телѣгу и нѣсколько человѣкъ, чтобы привезти трупы обоихъ животныхъ къ себѣ на домъ.

Изъ тигровой шкуры тамошній скорнякъ надѣлалъ мнѣ кисетовъ, часть которыхъ я раздарилъ между моими цейлонскими знакомыми. Остальные же я приподнесъ, когда пріѣхалъ обратно въ Голландію, бургомистрамъ, которые за это непремѣнно хотѣли, въ свою очередь, подарить мнѣ тысячу дукатовъ, и мнѣ только съ большимъ трудомъ удалось уклониться отъ этого подарка.

Изъ крокодила по обыкновенію набили чучелу, и въ этомъ видѣ онъ составляетъ въ настоящее время одну изъ самыхъ большихъ рѣдкостей амстердамскаго музея,

гдѣ путеводитель съ удовольствіемъ разсказываетъ исторію этого крокодила каждому посѣтителю музея. Разумѣется, что при этомъ онъ всегда прибавляетъ кое-какія подробности, сильно противорѣчащія истинѣ и даже вѣроподобію. Такъ напримѣръ, онъ зачастую разсказываетъ, будто тигръ проскочилъ насквозь туловища крокодила и, невредимый, хотѣлъ было уже удирать, какъ вдругъ всѣмъ извѣстный господинъ баронъ, — какъ онъ обыкновенно называлъ меня, — отрубилъ ему голову по мѣрѣ того, какъ онъ вылѣзалъ изъ крокодила, а вмѣстѣ съ головой тигра отрубилъ фута три отъ хвоста крокодила. «Крокодилъ»,—прибавляетъ иногда разсказчикъ,—«остался неравнодушенъ къ потерѣ своего хвоста, обернулся, вырвалъ изъ рукъ господина барона его охотничій ножъ и съ такою жадностью проглотилъ его, что орудіе это вонзилось какъ разъ въ сердце чудовища и тутъ же на мѣстѣ убило его.»

Легко себѣ представить, какъ непріятно должны дѣйствовать на меня подобныя беззастѣнчивыя выдумки этого плута. Въ нашъ склонный къ сомнѣнію вѣкъ, людямъ, не знающимъ меня, подобное чудовищное лганье легко можетъ подать поводъ усомниться въ достовѣрности дѣйствительно совершенныхъ мною подвиговъ, что, конечно, въ высшей степени оскорбительно и прискорбно для честнаго человѣка.

ВТОРОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

Въ 1776 году я сѣлъ въ Портсмутѣ на англійскій военный корабль, на которомъ было сто пушекъ и тысяча четыреста человѣкъ экипажа, и отправился въ сѣверную Америку. Разумѣется, я могъ бы вамъ разсказать сперва кое-какія приключенія, повстрѣчавшіяся со мною въ Англіи, но разсказъ о нихъ я приберегаю до другаго раза.

Дорогой съ нами не случилось ничего примѣчательнаго до той самой поры, когда мы стали подъѣзжать къ рѣкѣ Св. Лаврентія и находились отъ нея приблизительно на разстояніи трехъ сотъ миль.

Тутъ нашъ корабль съ необыкновенною силою ударился обо что-то, имѣвшее видъ подводной скалы. Однако, бросивъ лотъ на глубину пятисотъ саженъ, мы и тутъ не могли ощупать дна. Этотъ случай казался еще болѣе изумительнымъ и почти невѣроятнымъ оттого, что мы потеряли нашъ руль, что бугшпритъ былъ разбитъ

на двое, что наши мачты раскололись сверху до низу, причемъ двое матросовъ упали за бортъ.

Одинъ несчастный, свертывавшій въ это время парусъ, отлетѣлъ на худой конецъ на три мили отъ корабля, прежде чѣмъ упалъ въ воду. Онъ спасъ свою жизнь только тѣмъ, что ухватился, пока летѣлъ по воздуху, за хвостъ большой морской птицы, которая не только ослабила силу его паденія, но и дала ему возможность плыть, сидя на ея спинѣ, или скорѣе между шеей и крыльями, пока наконецъ его не взяли на бортъ.

Другимъ доказательствомъ силы удара было то, что всѣ находившіеся въ каютѣ ударились головою о потолокъ. Моя голова вслѣдствіе сильнаго толчка вдавилась совершенно вовнутрь, и не прежде, чѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, приняла свое естественное положеніе.

Мы не успѣли еще совершенно придти въ себя отъ изумленія и страшнаго смущенія, какъ вдругъ появленіе огромнаго кита, спавшаго грѣясь на солнцѣ, объяснило намъ все.

Чудовище это было такъ недовольно тѣмъ, что нашъ корабль обезпокоилъ его, что оно не только снесло хвостомъ галлерею и разломало часть палубы, но въ то же время схватило зубами большой якорь, который обыкновенно привязывается къ кормѣ, и по крайней мѣрѣ на разстояніи шестидесяти миль – считая по шесть миль на часъ — съ удивительной быстротою тащило нашъ корабль за собою.

Богъ вѣсть куда бы мы были заведены, еслибъ по счастливому случаю не оторвался, наконецъ, якорный

канатъ, вслѣдствіе чего китъ потерялъ нашъ корабль, а мы нашъ якорь.

Когда, шесть мѣсяцевъ спустя, мы возвращались въ Европу, то нашли того же самаго кита, въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ этого мѣста, плавающаго мертвымъ по водѣ. Въ длину онъ на худой конецъ занималъ полъ-мили.

Такъ какъ мы не могли взять къ себѣ на бортъ такого чудовищнаго звѣря, то мы подъѣхали къ нему на лодкѣ, съ большимъ трудомъ отрѣзали ему голову и, къ величайшей нашей радости, нашли не только якорь, но еще около четырнадцати саженъ каната, который онъ держалъ въ поломъ зубѣ въ лѣвой сторонѣ своей пасти.

Вотъ единственное замѣчательное происшествіе, случившееся съ нами въ продолженіе этого путешествія.

Однако постойте. Я едва было не забылъ одинъ случай. Когда китъ тащилъ за собою корабль, на немъ открылась течь и всѣ наши насосы не могли, даже на полчаса, спасти насъ отъ погруженія. Къ счастію, я во время открылъ причину бѣды. Въ кораблѣ образовалось огромное отверстіе, имѣвшее около фута въ діаметрѣ; всѣ средства заткнуть его оставались тщетными. Наконецъ я спасъ прекрасный корабль и весь его многочисленный экипажъ самой счастливой выдумкою въ свѣтѣ. Я помѣстился въ отверстіе и такимъ образомъ своей особой задержалъ наплывъ воды. Конечно, мнѣ было нѣсколько холодновато въ такомъ положеніи, но, къ счастью, искусство плотника вскорѣ пришло мнѣ на помощь и освободило меня.

ТРЕТЬЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

Однажды мнѣ угрожала сильная опасность погибнуть въ Средиземномъ морѣ.

Какъ-то разъ, купаясь лѣтнимъ вечеромъ, въ этомъ великолѣпномъ морѣ недалеко отъ марсельскаго берега, я вдругъ увидалъ огромную рыбу, плывшую прямо на меня съ широко разинутой пастью. Терять времени не приходилось, да и ускользнуть отъ этого чудовища нельзя было. Согнувъ немедленно ноги и прижавъ руки плотно къ туловищу, я свернулся клубкомъ и въ такомъ видѣ проскользнулъ какъ разъ чрезъ жабры рыбы въ ея желудокъ.

Тутъ, какъ вы легко можете себѣ представить, я провелъ нѣкоторое время въ полнѣйшемъ мракѣ, но за то въ очень пріятной теплотѣ.

Отъ времени до времени мое присутствіе въ желудкѣ рыбы причиняло ей страшныя боли, а потому она охотно бы согласилась освободиться отъ меня. Я же, не

ощущая ни малѣйшаго недостатка въ пространствѣ, выкидывалъ между тѣмъ разныя штуки. Но, очевидно, ничто такъ сильно не безпокоило ее, какъ быстрое движеніе моихъ ногъ, когда я пустился въ плясъ и принялся танцовать въ ея желудкѣ шотландскій вальсъ. При этомъ рыба моя начала испускать страшные крики и, наконецъ, почти отвѣсно высунулась одною половиною туловища изъ воды. Послѣдствіемъ этой неосторожности было то, что ее увидалъ экипажъ итальянскаго купеческаго корабля и не замедлилъ на нее накинуться, такъ что не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ рыба моя была уже убита гарпунами.

Послѣ этого ее втащили на бортъ, и я слышалъ совѣщаніе о томъ, какъ разрѣзать рыбу, чтобы получить наибольшее количество жира.

Я понималъ итальянскій языкъ, а потому не удивительно, что мною овладѣлъ ужасъ при мысли, что ножи ихъ могутъ случайно разрѣзать и меня заодно съ рыбой.

Вотъ почему, разсчитавъ, что операцію начнутъ, вѣроятно, съ оконечностей, я постарался помѣститься, по возможности, въ самую средину желудка, гдѣ за-глаза хватило бы мѣста для помѣщенія цѣлой дюжины людей. Однако страхъ мой скоро прекратился, такъ какъ разрѣзъ начался съ брюшной полости.

Увидавъ первое мерцаніе свѣта, я поспѣшилъ, что было силы, закричать этимъ людямъ, какъ пріятно мнѣ было бы познакомиться съ ними и видѣть себя освобожденнымъ изъ положенія, въ которомъ, вѣроятно, долженъ былъ бы скоро задохнуться.

Трудно описать удивленіе, выразившееся на лицахъ этихъ людей, когда они услыхали звуки человѣческаго голоса, раздавшагося изъ внутренности рыбы, и вслѣдъ за этимъ увидали меня выходящимъ оттуда.

Тутъ я подробно разсказалъ имъ все происшествіе и какъ я очутился внутри рыбы, и разсказъ мой, конечно, привелъ ихъ въ неописанное изумленіе.

Освѣживъ и подкрѣпивъ себя пищею, я бросился снова въ море, чтобы нѣсколько отмыться, и заодно уже поплылъ за моимъ платьемъ, которое дѣйствительно нашелъ на берегу, на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ оставилъ.

Заключеніе мое въ желудкѣ этого чудовища, насколько я могъ сообразить, продолжалось приблизительно три четверти часа.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

Въ бытность мою на турецкой службѣ, мнѣ часто случалось, для своего развлеченія, кататься въ яхтѣ по Мраморному морю, съ котораго взоръ обнимаетъ всю очаровательную панораму Константинополя.

Въ одно прекрасное утро, любуясь красотою и ясностью неба, я замѣтилъ въ воздухѣ нѣчто круглое, похожее на бильярдный шаръ, къ которому было привѣшено еще что-то другое.

Я поспѣшилъ взять въ руки свое лучшее и длиннѣйшее охотничье ружье, безъ котораго, если только я не встрѣчалъ никакой помѣхи, я никогда не выходилъ изъ дому, и, зарядивъ его пулею, выстрѣлилъ въ этотъ круглый предметъ, неподвижно стоявшій въ воздухѣ. Но выстрѣлъ не произвелъ никакого дѣйствія. Тогда, зарядивъ ружье двумя пулями, я выстрѣлилъ во второй разъ, но тоже ничего не достигъ. Наконецъ мой третій выстрѣлъ,

съ четырьмя или пятью пулями, пробилъ въ шарѣ отверстіе съ боку, и онъ мало по малу спустился внизъ.

Но представьте себѣ мое изумленіе при видѣ спустившейся саженяхъ въ двухъ отъ моей яхты, красиво вызолоченной гондолы, которая была привѣшена къ шару, своимъ объемомъ превышавшему величайшіе купола церквей.

Въ гондолѣ помѣщался человѣкъ и половина зажареннаго барана. Послѣ первой минуты изумленія, я и мои спутники обступили тѣснымъ кружкомъ эту странную группу.

Человѣкъ этотъ съ виду походилъ на француза, да и дѣйствительно, какъ я узналъ позже, принадлежалъ къ этой націи. Изъ его кармановъ торчали великолѣпныя цѣпочки для часовъ, украшенныя брелоками, на которыхъ, какъ мнѣ показалось, были нарисованы портреты высокопоставленныхъ особъ, мужчинъ и женщинъ. Къ каждой пуговицѣ была привѣшена золотая медаль, цѣною, по меньшей мѣрѣ, во сто дукатовъ, и всѣ пальцы его были разукрашены дорогими перстнями съ брилліантами. Карманы его кафтана были туго набиты тяжелыми кошельками съ золотомъ, тяжесть которыхъ почти притягивала его къ землѣ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящую минуту бѣдный французъ, послѣ своего паденія, чувствовалъ себя такъ дурно, что былъ не въ состояніи промолвить ни слова.

Оправившись нѣсколько, онъ разсказалъ слѣдующее: «Конечно, ни умъ мой, ни изобрѣтательность никогда не дошли бы до того, чтобы выдумать такой воздушный

экипажъ, но за то, обладая смѣлостью акробатовъ, я нѣсколько разъ садился въ него и поднимался на воздухъ. Дней семь или восемь тому назадъ, я поднялся на этомъ аэростатѣ изъ Корнуаллиса въ Англіи, взявъ съ собою барана, съ тѣмъ, чтобы съ его помощью показать сверху, въ глазахъ многихъ тысячъ зѣвакъ, разные фокусы. Но къ несчастью вѣтеръ, черезъ какія нибудь десять минутъ послѣ моего отъѣзда, повернулъ въ противоположную сторону, такъ что вмѣсто Эксетра, гдѣ я имѣлъ намѣреніе спуститься на землю, меня отнесло къ океану, надъ которымъ, по всей вѣроятности, я и парилъ все это время на неизмѣримой высотѣ.

«Хорошо, что мнѣ не удалось употребить моего барана на представленіе фокусовъ, такъ какъ на третій день моего воздушнаго путешествія голодъ мой достигъ такихъ размѣровъ, что я увидалъ себя вынужденнымъ зарѣзать барана.

«А такъ какъ я находился въ ту пору чрезвычайно высоко надъ луною и, послѣ шестнадцати часовъ ѣзды кверху, подъѣхалъ такъ близко къ солнцу, что спалилъ себѣ брови, то я и положилъ зарѣзаннаго барана, разумѣется снявъ съ него шкуру, на то мѣсто гондолы, на которое солнце ударяло съ наибо́льшею силою, или, другими словами, туда, куда не доходила тѣнь отъ шара. Такимъ образомъ, баранъ мой черезъ три четверти часа былъ вполнѣ изжаренъ, и этимъ-то жаркимъ я и питался все это время.»

Послѣ этихъ словъ разсказчикъ замолчалъ и, казалось, погрузился въ созерцаніе окружавшихъ его предметовъ.

Когда я ему сообщилъ, что разстилающійся передъ нашими глазами большой городъ—Константинополь, онъ чрезвычайно изумился, ибо полагалъ, что находится въ совершенно иномъ краю. «Причиною моего продолжительнаго полета»,—прибавилъ онъ наконецъ,—«было то, что веревка, прикрѣпленная къ одному изъ клапановъ воздушнаго шара, оборвалась, вслѣдствіе чего этотъ клапанъ, назначенный для выпусканія согрѣтаго воздуха, не могъ быть приведенъ въ движеніе. Еслибъ не послѣдовало выстрѣла, который разорвалъ шаръ, то, по всей вѣроятности, мнѣ пришлось бы до втораго пришествія летать между небомъ и землею.»

Послѣ этихъ словъ онъ великодушно подарилъ свою гондолу моему лодочнику. Жареная же баранина была выкинута въ море; а что касается до воздушнаго шара, то мой выстрѣлъ нанесъ ему такой сильный ударъ, что, падая, шаръ окончательно разлетѣлся на куски.

ПЯТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до моего возвратнаго путешествія въ Европу, со мною былъ другой, тоже очень необыкновенный случай.

Турецкій султанъ, которому я былъ представленъ русскимъ, римскимъ и французскимъ посланниками, воспользовался моей особой и, возложивъ на меня хлопоты по очень важному дѣлу, которое притомъ должно было навѣки оставаться тайною, отправилъ меня въ Каиръ.

Сопровождаемый многочисленной свитой, я торжественно выѣхалъ изъ Константинополя и поѣхалъ сухимъ путемъ.

По дорогѣ мнѣ представился случай увеличить число моихъ слугъ нѣкоторыми очень полезными людьми. Отъѣхавъ на нѣсколько миль отъ Константинополя, я вдругъ усмотрѣлъ маленькаго и очень тщедушнаго человѣчка, перебѣгавшаго поле съ необыкновенной быстротою, не-

смотря на то, что къ каждой ногѣ его были привязаны свинцовыя гири, фунтовъ въ пятьдесятъ вѣсомъ.

Пораженный этимъ зрѣлищемъ, я окликнулъ его и спросилъ: «Куда бѣжишь ты такъ быстро, любезный? и зачѣмъ утруждаешь свой бѣгъ такою тяжестью?»

— Полчаса тому назадъ, — отвѣчалъ скороходъ, — я бѣжалъ изъ Вѣны, гдѣ жилъ въ услуженіи у очень высокопоставленной особы; сегодня же я покинулъ это мѣсто и теперь отправляюсь въ Константинополь, гдѣ хочу поискать себѣ новое занятіе. Привязалъ же я эту тяжесть къ моимъ ногамъ для того, чтобы умѣрить нѣсколько быстроту моего бѣга, въ которой нѣтъ надобности въ настоящую минуту. Ибо «только сберегаемое—прочно» говаривалъ обыкновенно покойный мой наставникъ.

Мнѣ чрезвычайно понравился этотъ скороходъ и я спросилъ его, не хочетъ ли онъ поступить ко мнѣ въ услуженіе, на что онъ охотно согласился.

Затѣмъ мы поѣхали дальше; посѣтили много городовъ, много странъ. Однажды въ сторонѣ отъ дороги, по которой мы ѣхали, на очаровательномъ зеленомъ лугу лежалъ смирнехонько парень, словно спалъ. Однако онъ вовсе не спалъ; напротивъ: приложивъ ухо къ землѣ, онъ съ такимъ вниманіемъ прислушивался, словно имѣлъ намѣреніе подслушать что дѣлается между обитателями подземелья.

— «Къ чему ты такъ внимательно прислушиваешься, любезный другъ?»

— «Да вотъ за неимѣніемъ настоящаго дѣла, я подслушиваю траву и слышу, какъ она растетъ.»

— «И тебѣ удается это?»

— «Это для меня пустякъ.»

— «Въ такомъ случаѣ поступи ко мнѣ на службу, любезный; какъ знать, не потребуется когда нибудь подслушать чего?»

Парень вскочилъ на ноги и послѣдовалъ за мною.

Недалеко оттуда, на холмѣ, стоялъ, съ поднятымъ ружьемъ, охотникъ и стрѣлялъ въ пустое пространство.

— «Въ добрый часъ, господинъ охотникъ! «—сказалъ я ему.—» Но, скажи, въ кого же ты стрѣляешь? Я ничего не вижу, кромѣ синяго пустаго пространства.

— «О, я только пробую вотъ это новое ружье. Тамъ на шпицѣ страсбургскаго собора сидѣлъ воробей, я только что подстрѣлилъ его.»

Кто знаетъ мою страсть къ охотѣ и ружьямъ, того, конечно, не удивитъ, если я тотчасъ же кинулся обнимать превосходнаго стрѣлка. Само собою разумѣется, что я ничего не пожалѣлъ, чтобы привлечь его на свою службу.

Затѣмъ мы поѣхали дальше и побывали во многихъ городахъ, во многихъ странахъ и, наконецъ, доѣхали до Ливанскихъ горъ. Тутъ передъ большимъ кедровымъ лѣсомъ стоялъ сильный, коренастый парень и притягивалъ къ себѣ веревку, которая была накинута петлею вокругъ всего лѣса.

— «Что это ты тянешь, любезный другъ?» — спросилъ я парня.

— «Да вотъ понадобилось срубить строеваго лѣса, а топоръ-то свой я позабылъ дома; такъ и хочу теперь какъ-нибудь изловчиться и обойтись безъ него.»

Съ этими словами онъ изо всѣхъ силъ дернулъ за веревку и, при мнѣ, на моихъ глазахъ, повалилъ на землю, — словно тростниковый кустъ, лѣсъ, имѣвшій въ объемѣ цѣлую квадратную милю. Легко угадать, что сдѣлалъ я при видѣ такого необыкновеннаго явленія. Я твердо рѣшился не упускать парня, даже еслибъ мнѣ пришлось отдать за него все содержаніе моего посольства.

Послѣ этого я поѣхалъ дальше и, наконецъ, прибылъ въ Египетскую землю. Но тутъ поднялся вдругъ такой ужасный ураганъ, что я сильно побаивался, чтобы меня вмѣстѣ съ моими каретами, лошадьми и всей свитою не подняло и не унесло на воздухъ.

По лѣвой сторонѣ отъ дороги, по которой мы проѣзжали, стояли въ рядъ семь вѣтряныхъ мельницъ; крылья ихъ вертѣлись на своихъ осяхъ съ быстротою самопрялки въ рукахъ искусной пряхи. Недалеко отъ нихъ стоялъ парень необыкновенной толщины и указательнымъ пальцемъ придерживалъ свою правую ноздрю.

Замѣтивъ наше бѣдственное положеніе и какъ сильно насъ крутилъ ураганъ, парень сдѣлалъ полуоборотъ и, вставъ къ намъ лицомъ, почтительно снялъ передо мною шляпу, какъ это дѣлаетъ рядовой передъ своимъ полковникомъ. Ураганъ мгновенно утихъ и всѣ семь мельницъ разомъ прекратили свое движеніе. Пораженный такимъ сверхъестественнымъ явленіемъ, я закричалъ чудовищу:—«Что это значитъ, парень? Нечистый ли въ тебѣ сидитъ, или же ты самъ діаволъ?»

— «Извините; вы ошибаетесь, ваше превосходительство»,—отвѣчалъ мнѣ этотъ человѣкъ,—«я только

поднимаю небольшой вѣтеръ въ угоду моему хозяину мельнику, а чтобы вѣтеръ не снесъ окончательно всѣ семь мельницъ, мнѣ необходимо заткнуть одну изъ моихъ ноздрей.»

— «О! да это великолѣпнѣйшій человѣкъ!»—подумалъ я про себя. — «Онъ будетъ мнѣ чрезвычайно полезенъ на тотъ случай, если у меня не хватитъ дыханія разсказать, по своемъ возвращеніи домой, всѣ чудеса, приключившіяся со мною въ продолженіе моихъ путешествій на морѣ и на сушѣ.»

Мы скоро сошлись въ цѣнѣ. Онъ покинулъ свои мельницы и присоединился къ моей свитѣ.

Наконецъ, мало по малу, наступило время, когда мы должны были въѣхать въ самый Каиръ. Исполнивъ, и притомъ очень успѣшно, возложенное на меня порученіе, мнѣ вздумалось распустить весь этотъ ненужный составъ посольства, разумѣется, за исключеніемъ вновь пріобрѣтенныхъ мною полезныхъ людей, и, въ сопутствіи ихъ, возвратиться въ Турцію въ качествѣ частнаго человѣка.

Погода стояла великолѣпная; очаровательная красота знаменитой рѣки Нила была выше всякаго описанія; я поддался искушенію и, нанявъ лодку, поѣхалъ водою до Александріи. Въ продолженіе первыхъ трехъ дней нашего плаванія все шло какъ нельзя лучше.

Вѣроятно, каждому изъ моихъ читателей не разъ уже случалось слышать разсказы о ежегодныхъ разливахъ Нила. На третій день нашего плаванія рѣка начала вдругъ необузданно вздыматься, и на слѣдующее утро

вся окрестность, направо и налѣво, была потоплена на протяженіи четырехъ миль.

На пятый день, послѣ захожденія солнца, лодка моя, увязла во что-то, что я, въ темнотѣ, принялъ за хворостъ и водоросли. Но на слѣдующее утро, при разсвѣтѣ, оказалось, что мы, со всѣхъ сторонъ, окружены миндальными орѣхами, совершенно спѣлыми и чрезвычайно вкусными. Бросивъ лотъ, мы узнали, что стоимъ по меньшей мѣрѣ на шестьдесятъ футовъ выше земли и никакъ не можемъ двинуться ни взадъ, ни впередъ. Приблизительно часовъ въ восемь или въ девять, насколько я могъ судить о времени по высотѣ достигнутой солнцемъ, внезапно поднялся сильный вѣтеръ и опрокинулъ нашу лодку на бокъ. Она наполнилась водою и пошла ко дну, послѣ чего, въ продолженіе довольно долгаго времени, я не видалъ ее и ничего о ней не слыхалъ, какъ сейчасъ разскажу.

Къ счастью мы всѣ — восемь мужчинъ и два мальчика — спаслись, благодаря тому, что повисли, крѣпко ухватившись, на деревьяхъ, вѣтви которыхъ были такъ толсты, что могли сдержать насъ, но не могли, однако, выдержать тяжести нашей лодки.

Дня три пробыли мы въ этомъ висячемъ положеніи и все время питались только одними миндальными орѣхами.

На двадцать второй день послѣ нашего крушенья вода начала убывать съ такою же быстротою, съ какою поднялась; а на двадцать шестой день ноги наши встали на твердую почву.

Первый предметъ, бросившійся намъ въ глаза, была наша лодка. Она лежала опрокинутая, приблизительно въ двухъ стахъ саженяхъ отъ того мѣста, на которомъ пошла ко дну. Высушивъ на солнцѣ всѣ необходимые для насъ предметы и взявъ изъ лодки кое-какіе, самые необходимѣйшіе припасы, мы снарядились и отправились отыскивать нашъ потерянный путь.

Послѣ самыхъ точныхъ исчисленій оказалось, что вода подняла насъ на сто пятьдесятъ миль выше изгородей и стѣнъ, которыми обнесены сады.

На седьмой день мы достигли рѣки, которая теперь совсѣмъ улеглась и спокойно текла въ своихъ берегахъ. Приключеніе свое мы повѣдали одному бею. Онъ щедро и очень любезно помогъ намъ всѣмъ необходимымъ, и, кромѣ того, далъ намъ, для продолженія нашего путешествія, свою собственную лодку. Дней черезъ шесть мы достигли Александріи, гдѣ сѣли на корабль и отплыли въ Константинополь. Путешествіе туда совершилось вполнѣ благополучно и безъ особенныхъ приключеній. Султанъ принялъ меня, послѣ моего возвращенія изъ Каира, чрезвычайно милостиво и любезно.

ШЕСТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

ослѣ моего путешествія въ Египетъ я вошелъ въ большую силу при дворѣ султана. Его высочество никакъ не могло обойтись безъ меня и ежедневно приглашало меня къ обѣду и къ ужину.

Надо признаться, что изо всѣхъ монарховъ на землѣ турецкій султанъ держитъ у себя самый изысканный столъ. Конечно, это слѣдуетъ понимать только относительно кушаній, но никакъ не винъ, потому что, какъ извѣстно, Магометовъ законъ воспрещаетъ употребленіе этого напитка. Вотъ почему за турецкимъ публичнымъ обѣдомъ приходится отказаться отъ стакана хорошаго вина.

Но то, что не совершается открыто, очень часто совершается тайно, а потому, несмотря на запрещеніе Магомета, вкусъ хорошаго стакана вина многимъ туркамъ

такъ же хорошо знакомъ, какъ любому честному нѣмцу. Такъ было и съ его турецкимъ высочествомъ.

За его обѣдомъ, въ присутствіи придворныхъ, о винѣ и помину не было. Но зато послѣ обѣда султана въ его кабинетѣ обыкновенно ожидала бутылка хорошаго вина.

Однажды его высочество дружески подмигнуло мнѣ украдкой, чтобы я послѣдовалъ за нимъ въ его кабинетъ. Когда мы вошли туда и заперли за собою двери, султанъ, вытащивъ изъ шкафа бутылку съ виномъ, сказалъ: «Мюнхаузенъ, вы, христіане, понимаете толкъ въ хорошемъ винѣ. Это моя послѣдняя бутылка токайскаго. Попробуйте; такого отличнаго вина вы, вѣроятно, никогда еще въ свою жизнь не пивали.»

Съ этими словами его высочество налилъ мнѣ и себѣ по бокалу и мы чокнулись. — «Ну, что скажете? Не правда ли, что это особенно тонкое вино?»

— «Винцо не дурно, ваше высочество,» — отвѣчалъ я,—«тѣмъ не менѣе, съ вашего позволенія, я долженъ признаться, что то, которое я пилъ въ Вѣнѣ у блаженной памяти императора Карла VI, было несравненно высшаго достоинства. Тьфу пропасть! Вотъ вино, которое не мѣшало бы отвѣдать вашему высочеству!»

— «Другъ Мюнхаузенъ, будь сказано вамъ не въ обиду,—но лучшаго токайскаго вина, чѣмъ это, нѣтъ. Мнѣ удалось пріобрѣсти его, и то только одну бутылку, отъ венгерца, который до невѣроятности превозносилъ его и очень дорого цѣнилъ.»

— «Пустяки, ваше высочество! Токайское токайско-

му рознь! Не хотите ли побиться со мною объ закладъ, что я, въ часъ времени, доставлю вамъ прямо изъ императорскаго погреба бутылку токайскаго вина, которое будетъ несравненно получше этого.»

— «Мнѣ кажется, вы бредите, Мюнхаузенъ.»

— «Нисколько не брежу. Повторяю, что берусь вамъ доставить, ровно черезъ часъ и прямо изъ императорскаго погреба, бутылку токайскаго, совершенно иного сорта, чѣмъ эта кислятина.»

— «Мюнхаузенъ, Мюнхаузенъ! Если вамъ угодно потѣшаться надо мною, то я попросилъ бы васъ этого не дѣлать. Я знаю васъ за человѣка обыкновенно чрезвычайно правдиваго, но теперь я почти увѣренъ, что вы фантазируете.»

— «Посмотримте, ваше высочество! Вѣдь я берусь доказать на дѣлѣ истину моихъ словъ. Если же я не выполню того, что обѣщаю, — а я непримиримый врагъ всякаго хвастовства, — то пусть ваше высочество прикажетъ снять съ меня голову. Но голова моя не бездѣлица, а потому мнѣ хочется знать, что поставите вы?»

— «Хорошо, я ловлю васъ на словѣ. Если ровно къ четыремъ часамъ бутылки токайскаго не будетъ здѣсь на столѣ, то вамъ отрубятъ голову безъ всякаго сострадания, ибо издѣваться надо мною я не позволю даже моему лучшему другу. Но если вы исполните то, что обѣщаете, тогда я вамъ позволю взять изъ моего казначейства столько золота, серебра, жемчуга и другихъ драгоцѣнныхъ вещей, сколько сможетъ снести самый сильный мужчина.»

— «Дѣло,»—отвѣчалъ я и, спросивъ себѣ немедленно перо и чернилъ, написалъ императрицѣ Маріи-Терезіи слѣдующую записку:

«Ваше величество! Въ качествѣ единственной на«слѣдницы своего блаженной памяти родителя, Вы безъ «сомнѣнія унаслѣдовали и его погребъ. Беру смѣлость «просить Васъ прислать мнѣ съ подателемъ этой запис«ки бутылку токайскаго вина, такого, какъ я часто пи«валъ у Вашего родителя, т. е. самаго высшаго достоин«ства, такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы выиграть «пари. При случаѣ я охотно отслужу Вамъ за это, чѣмъ «и какъ могу. Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь и т. д.»

Было уже пять минутъ четвертаго; незапечатавъ даже письма я поторопился вручить его моему скороходу, который долженъ былъ немедленно снять съ ногъ свои гири и отправиться въ Вѣну.

Затѣмъ, въ ожиданіи лучшаго вина, мы съ султаномъ роспили остатки его бутылки.

Пробило четверть четвертаго, потомъ половина, наконецъ три четверти, а о моемъ скороходѣ не было еще ни слуху, ни духу. Признаюсь, мало по малу мною начинало овладѣвать безпокойство и бросать въ жаръ, тѣмъ болѣе, что его высочество частенько поглядывало на часы, и, какъ мнѣ казалось, собиралось уже послать за палачемъ.

Я попросилъ позволенія пройдтись по саду, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; правда, мнѣ позволили, но за мной уже послѣдовала пара услужливыхъ привидѣній, которыя ни на минуту не выпускали меня изъ глазъ.

Побуждаемый страхомъ при видѣ того, что часовая стрѣлка приближалась уже къ пятидесяти пяти минутамъ четвертаго, я поспѣшилъ послать за моимъ стрѣлкомъ, и за человѣкомъ обладающимъ необыкновенно тонкимъ слухомъ.

Оба не замедлили явиться, и мой слушатель долженъ былъ пластомъ растянуться на землю, чтобы послушать, не бѣжитъ ли мой скороходъ.

Онъ скоро, къ величайшему моему ужасу, сообщилъ мнѣ, что этотъ бездѣльникъ лежитъ гдѣ-то по близости, погруженный въ крѣпкій сонъ и изо всѣхъ силъ храпитъ.

Едва честный мой стрѣлокъ услыхалъ такое извѣстіе, какъ тотчасъ же вбѣжалъ на невысокую террасу и, приподнявшись тамъ на цыпочки, поспѣшно вскричалъ: «Клянусь своей душой! вонъ онъ, лѣнивецъ, лежитъ подъ дубомъ около Бѣлграда, а бутылка стоитъ подлѣ него. Постой! Я же тебя растормошу!» и съ этими словами онъ немедленно приложилъ ружье къ щекѣ и выстрѣлилъ полнымъ зарядомъ, цѣлясь въ верхушку дерева. Градъ желудей, листьевъ и вѣтвей посыпался на сонливца. Онъ проснулся, быстро вскочилъ на ноги, и отъ страха, что проспалъ, быть можетъ, урочный часъ, пустился бѣжать такъ шибко, что успѣлъ вбѣжать въ кабинетъ султана, неся въ рукахъ бутылку токайскаго и собственноручную записку отъ Маріи-Терезіи, какъ разъ за полминуты до четырехъ.

То-то была радость! Великій султанъ въ первую минуту былъ нѣсколько изумленъ, что я выигралъ мое па-

ри, но вскорѣ оправился и, обратясь ко мнѣ, съ веселымъ лицемъ сказалъ:

— «Мюнхаузенъ! Вы, конечно, не обидитесь, если я приберегу эту бутылку для себя одного. Ваши связи съ Вѣною обширнѣе моихъ. Вы можете достать себѣ въ Вѣнѣ еще бутылку такого токайскаго.» Затѣмъ онъ заперъ бутылку въ свой шкапчикъ, положилъ ключъ въ карманъ своихъ шараваръ, позвонилъ и велѣлъ позвать своего казначея.

Какой пріятный, серебряный звукъ для моего уха!— «Я долженъ заплатить вамъ проигранное пари. Выдай моему другу Мюнхаузену изъ казначейства» — сказалъ онъ вошедшему казначею — «столько драгоцѣнностей, сколько сможетъ снести самый сильный человѣкъ.»

Казначей склонился передъ своимъ владыкою до земли, а мнѣ великій султанъ очень искренно пожалъ руку, послѣ чего отпустилъ насъ обоихъ.

Не медля ни минуты, я поспѣшилъ принять во владѣніе дарованный мнѣ подарокъ, а для этого, позвавъ моего силача, велѣлъ ему захватить свою длинную пеньковую веревку и отправиться вмѣстѣ со мною въ казначейство. Много ли осталось тамъ послѣ того, какъ мой силачъ увязалъ все то, что могъ захватить, это можно себѣ легко представить.

Оттуда я поторопился направиться прямо къ пристани; нанялъ тамъ самое большое ластовое судно, поднялъ паруса и, обогащенный, отплылъ со всей своей прислугой, чтобы по возможности скорѣе обезпечить за собою свою добычу.

То, чего я въ душѣ боялся, не замедлило случиться. Послѣ моего ухода казначей, оставивъ двери и ворота казначейства открытыми, — запирать ихъ, конечно, не было теперь надобности, — слюмя голову побѣжалъ къ великому султану и доложилъ ему, какъ безцеремонно я воспользовался его распоряженіемъ.

Такое извѣстіе очень сильно озадачило великаго султана. Слухъ о его опрометчивости быстро распространился по всему городу. Вотъ почему онъ поспѣшилъ отдать приказаніе своему адмиралу немедленно пуститься со всѣмъ флотомъ въ погоню за мною, чтобы, догнавъ меня, доказать и увѣрить меня, что не таковы были условія нашего пари.

Не проѣхавъ еще и двухъ миль по морю, я уже увидалъ весь турецкій военный флотъ, мчавшійся за мною на всѣхъ парусахъ. Признаюсь, при этомъ зрѣлищѣ моя бѣдная, едва окрѣпнувшая голова, снова начала кружиться.

Но, къ счастью, у меня подъ рукою былъ человѣкъ, дыханіе котораго въ состояніи было поднять сильнѣйшую бурю. — «Не безпокойтесь и не страшитесь, ваше превосходительство»,—сказалъ онъ мнѣ.

Съ этими словами онъ всталъ на квартеръ-декѣ въ такомъ положеніи, что одна его ноздря была обращена къ турецкому флоту, а другая къ нашему парусу, и, начавъ дуть, поднялъ такой сильный вѣтеръ, что вскорѣ весь турецкій флотъ, съ опрокинутыми мачтами, изорванными парусами и канатами, загнанъ былъ обратно въ гавань, между тѣмъ какъ наше судно, благода-

ря попутному вѣтру, черезъ два-три часа благополучно достигло береговъ Италіи.

Однако я мало воспользовался выиграннымъ богатымъ кладомъ. Въ Италіи бѣдность и попрошайничество такъ велики и полиція смотритъ за этимъ такъ плохо, что я вскорѣ роздалъ, по милости моего черезчуръ добраго сердца, бо̀льшую часть выиграннаго богатства уличнымъ нищимъ. А остальное, увы! было отнято у меня по дорогѣ въ Римъ шайкою разбойниковъ, такъ что выигранное мною у великаго султана пари вовсе не пошло мнѣ въ прокъ.

СЕДЬМОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ

вмѣстѣ съ біографіею баронова приверженца, который въ его отсутствіе является разсказчикомъ.

По окончаніи предшествовавшаго приключенія, которое баронъ разсказалъ въ кругу многочисленныхъ своихъ знакомыхъ и друзей для ихъ удовольствія, онъ не позволилъ удерживать себя долѣе, но всталъ и оставилъ общество въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Впрочемъ, уходя, онъ далъ обѣщаніе разсказать имъ, при первомъ же удобномъ случаѣ, приключенія своего отца, которыхъ его слушатели съ нетерпѣніемъ ожидали, а также и нѣкоторые другіе замѣчательные анекдоты.

Пока каждый по своему высказывался объ удовольствіи, только что доставленномъ обществу разсказами барона, одинъ изъ присутствующихъ, приверженецъ барона, сопровождавшій его въ его путешествіи въ Тур-

цію, замѣтилъ, что недалеко отъ Константинополя находится громадная пушка, о которой баронъ Тоттъ, въ своихъ только что появившихся запискахъ, дѣлаетъ особое упоминаніе.

Сообщаетъ онъ, на сколько я могу припомнить, слѣдующее: «Турки недалеко отъ города, на цитадели, стоящей на берегу знаменитой рѣки Симоиса, поставили громадную пушку. Она вся вылита изъ мѣди и заряжается мраморнымъ ядромъ, въ тысячу сто фунтовъ вѣсу.

«Мнѣ очень хотѣлось — прибавляетъ Тоттъ,—изъ нея выстрѣлить, чтобы по ея дѣйствію основательно о ней судить. Весь народъ, стоявшій около меня, дрожалъ и трясся, ибо былъ увѣренъ, что отъ ея выстрѣла и городъ, и замокъ обратятся въ кучу развалинъ. Наконецъ страхъ не много поутихъ и я получилъ позволеніе выстрѣлить изъ пушки.

«Чтобы зарядить ее, нужно было не менѣе трехъ сотъ тридцати фунтовъ пороху, а ядро, какъ я уже сказалъ, вѣсило тысячу сто фунтовъ. Когда пушкарь подошелъ съ фитилемъ, толпа, меня окружавшая, отхлынула какъ можно дальше. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ убѣдить пашу, который пришелъ весь встревоженный, въ томъ, что нѣтъ никакой опасности. У самаго пушкаря, который по моему знаку долженъ былъ стрѣлять, отъ страху забилось сердце.

«Я всталъ въ углубленіе стѣны за орудіемъ, далъ знакъ и раздался выстрѣлъ, напоминающій землетрясеніе. На разстояніи трехъ сотъ саженъ ядро разлетѣлось

на три куска; они попали въ море, выскочили изъ воды, ударили въ противолежащія горы и обратили весь каналъ, какъ онъ ни былъ широкъ, въ громадную массу пѣны.»

Вотъ все, на сколько я могу припомнить, что разсказываетъ баронъ Тоттъ о величайшей пушкѣ въ цѣломъ свѣтѣ. Когда мы съ барономъ Мюнхаузеномъ посѣтили эту страну, намъ разсказывали о выстрѣлѣ, сдѣланномъ барономъ Тоттомъ изъ этого громаднаго орудія, какъ о примѣрѣ его необыкновеннаго мужества.

Баронъ Мюнхаузенъ, который никакъ не можетъ перенести, чтобы французъ въ чемъ нибудь его превзошелъ, взвалилъ эту пушку себѣ на плечи и, положивъ ее горизонтально, прыгнулъ въ море и переплылъ на противоположный берегъ.

Оттуда онъ сдѣлалъ, къ сожалѣнію, опытъ перекинуть пушку на ея прежнее мѣсто. Говорю, къ сожалѣнію, потому что пушка выскользнула изъ его рукъ въ ту самую минуту, когда онъ собирался было ее перебросить, и упала въ каналъ, гдѣ и лежитъ до сихъ поръ, и, вѣроятно, будетъ лежать до самаго свѣтопреставленія.

Вотъ настоящая причина окончательнаго разрыва между барономъ и султаномъ. Исторія опустошеннаго казначейства была давно забыта; султану есть откуда достать деньги, и убытокъ, ему нанесенный, былъ давно пополненъ. Баронъ въ этотъ разъ пріѣхалъ въ Турцію по собственноручному приглашенію султана и, вѣроятно, долго бы прожилъ тамъ, еслибъ потеря этого знаменитаго орудія не разсердила свирѣпаго турка до того,

что онъ издалъ неизмѣнимый приказъ отрубить барону голову.

Къ счастью, одинъ изъ пріобрѣтенныхъ имъ доброжелателей тайно извѣстилъ его о томъ, какая страшная опасность грозитъ ему. Мы бѣжали и въ ту же ночь сѣли на корабль, отправлявшійся въ Венецію, который сейчасъ же снялся съ якоря и выступилъ въ море; такимъ образомъ мы спаслись.

Баронъ не охотно упоминаетъ объ этомъ приключеніи, такъ какъ на этотъ разъ опытъ его не удался ему, и притомъ былъ причиною того, что жизнь его висѣла на волоскѣ. Тѣмъ не менѣе, подвигъ этотъ дѣлаетъ ему большую честь, а потому отъ времени до времени я самъ очень люблю разсказать его въ отсутствіе барона.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗСКАЗА БАРОНА.

Можно себѣ представить, съ какою настойчивостью друзья и знакомые барона, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, упрашивали его продолжать разсказъ о своихъ какъ занимательныхъ, такъ и поучительныхъ приключеніяхъ; однако всѣ просьбы, въ продолженіе нѣкотораго времени, оставались тщетными. Баронъ обладалъ чрезвычайно похвальною привычкою ничего не дѣлать противъ своей воли и еще болѣе похвальной привычкой никогда не отступать отъ этого правила. Но наконецъ наступилъ таки давно желанный вечеръ: веселая улыбка, съ которой баронъ выслушалъ просьбу своихъ друзей, служила вѣрнымъ знакомъ, что онъ будетъ въ ударѣ, и что надежды ихъ осуществятся.

«Conticuere omnes, intentique ora tenebant *)».

*) Всѣ молчали и внимали, не отворачивая взоровъ.

Во время послѣдней осады Гибралтара я отправился съ флотомъ, состоявшимъ подъ командою лорда Роднея, въ эту крѣпость, съ намѣреніемъ навѣстить моего стараго пріятеля генерала Элліота, стяжавшаго себѣ знаменитые обороною этого укрѣпленія лавры, которые никогда не увянутъ.

Какъ скоро первый жаръ восторговъ, неизбѣжно сопровождающій свиданіе старыхъ друзей послѣ долгой разлуки, нѣсколько поостылъ, я отправился въ сопровожденіи генерала осматривать крѣпость, чтобы немного ознакомиться съ положеніемъ осажденныхъ и мѣрами, принятыми врагомъ.

Я захватилъ съ собою привезенный мною изъ Лондона превосходный телескопъ, купленный у Доллонда. Съ помощію этого орудія я увидѣлъ, что въ это самое время непріятель намѣревался выстрѣлить изъ тридцати шести фунтовой пушки и цѣлился какъ разъ въ то мѣсто, на которомъ мы стояли. Я сообщилъ это открытіе генералу; онъ посмотрѣлъ чрезъ телескопъ и нашелъ, что предположеніе мое вѣрно. Съ его позволенія я тотчасъ распорядился, чтобы къ намъ притащили съ ближайшей батареи сорока восьми фунтовую пушку; когда ее принесли, я самъ навелъ ее;—что касается артиллеріи, то я, безъ хвастовства, могу сказать, что не встрѣчалъ еще человѣка, который могъ бы заткнуть меня за поясъ,—а потому былъ вполнѣ увѣренъ, что ядро попадетъ въ цѣль.

Теперь я принялся зорко наблюдать движенія врага, пока не увидалъ, что онъ приложилъ фитиль къ запалу

своего орудія; тутъ я мигомъ обернулся и знакомъ приказалъ стрѣлять и изъ нашей пушки. Приблизительно на половинѣ дороги оба ядра встрѣтились и столкнулись съ ужасною силою. Но всего изумительнѣе было дѣйствіе этого столкновенія.

Непріятельское ядро полетѣло обратно съ такою стремительностью, что сорвало голову не только пушкарю, но еще сорвало съ туловища головы шестнадцати другихъ людей, стоявшихъ ему поперегъ дороги въ полетѣ къ африканскому берегу. Но прежде, чѣмъ долетѣть до Варварійскихъ владѣній, оно проскочило еще сквозь гротъ-мачты трехъ кораблей, стоявшихъ въ гавани; затѣмъ оно проникло, приблизительно, на двѣсти англійскихъ миль въ село, пробило тамъ крышу крестьянской хижины, вышибло остальные зубы несчастной старушки, которая, лежа на спинѣ, спала съ открытымъ ртомъ и, наконецъ, застряло въ ея глоткѣ. Мужъ этой женщины, возвратившійся вскорѣ послѣ этого домой, пытался-было вытащить ядро, но, видя, что это невозможно, изо всѣхъ силъ толкнулъ его безъ дальнѣйшихъ разсужденій внутрь, гдѣ оно и осталось и потомъ, въ продолженіе долгихъ лѣтъ, мучило бѣдную женщину, причиняя ей страшныя боли въ желудкѣ.

Наше же ядро оказало намъ чрезвычайно важныя услуги. Оно не только, какъ я сейчасъ описалъ, обратило назадъ бомбу врага, но еще, какъ я этого и желалъ, дальше продолжало свой путь, сшибло съ лафета направленную противъ насъ пушку и съ такою силою забросило ее въ киль корабля, что она разомъ пробила дно

этого послѣдняго. Вслѣдствіе того, въ кораблѣ, разумѣется, открылась сильная течь, и онъ пошелъ ко дну, а съ нимъ и весь его экипажъ, состоявшій изъ ста матросовъ, и значительное число находившихся на немъ солдатъ.

Такое дѣйствіе безспорно было въ высшей степени необыкновенно. Однако я нисколько не требую, чтобы вся эта заслуга была приписана мнѣ одному. Конечно, честь перваго изобрѣтенія принадлежитъ моей сообразительности, но до извѣстной степени намъ помогла и счастливая случайность. А именно, сорока восьми фунтовая пушка наша, какъ я это уже потомъ узналъ, была на этотъ разъ по ошибкѣ заряжена двойной порціей пороха, и это-то обстоятельство и объясняетъ неожиданное дѣйствіе выстрѣла, въ особенности же относительно отброшеннаго непріятельскаго ядра.

Генералъ Элліотъ, чтобы выразить мнѣ свою благодарность за такую отмѣнную услугу, предложилъ мнѣ чинъ офицера; но я отклонилъ отъ себя такую честь и довольствовался тѣмъ, что въ тотъ же вечеръ, за обѣдомъ, онъ почтительно поблагодарилъ меня въ присутствіи всѣхъ офицеровъ.

Но такъ какъ я ревностный поклонникъ англичанъ, ибо они безспорно храбрѣйшій народъ въ мірѣ, то я и поставилъ себѣ въ обязанность не покидать крѣпости, не оказавъ имъ еще одну услугу. Недѣли черезъ три мнѣ дѣйствительно представился случай исполнить это желаніе. Переодѣвшись испанскимъ солдатомъ, я тайкомъ ушелъ какъ-то разъ въ полночь изъ крѣпости и,

пробравшись сквозь непріятельскую линію, очутился среди ихъ лагеря. Тамъ я началъ съ того, что подкрался къ шатру, въ которомъ графъ д'Артуа вмѣстѣ съ главнокомандующимъ и другими офицерами совѣщались и составляли планъ предполагаемаго на слѣдующее утро штурма крѣпости.

Отсюда я могъ безпрепятственно выслушать все, что тамъ происходило. Наконецъ, совѣщаніе кончилось и члены его пошли спать. Вскорѣ весь лагерь, не исключая даже стражи, былъ погруженъ въ глубокій сонъ.

Теперь, не теряя времени, я принялся за дѣло: снялъ съ лафетовъ орудія, болѣе трехъ сотъ штукъ, начиная съ сорока восьми фунтовыхъ пушекъ и кончая двадцати четырехъ фунтовыми, и всѣ до послѣдняго забросилъ въ море на разстояніи трехъ миль отъ берега. Все это я дѣлалъ одинъ, безъ всякой помощи, а потому не мудрено, что работа эта показалась мнѣ одною изъ самыхъ трудныхъ, какую мнѣ когда-либо приходилось исполнять.

Справившись съ этимъ, я принялся перетаскивать на середину лагеря всѣ лафеты и телѣги, и во избѣжаніе стука колесъ переносилъ ихъ по парѣ подъ мышкою.

Эти лафеты и телѣги, сложенные одинъ на другой, скоро образовали прелестное возвышеніе, которое по своей вышинѣ равнялось, по меньшей мѣрѣ, гибралтарской скалѣ.

Послѣ этого я ударилъ осколкомъ сорока восьми фунтовой пушки по кремню, который былъ воткнутъ на глубину двадцати футовъ подъ землею, въ стѣну, выстроенную еще Арабами; добылъ себѣ такимъ образомъ огня

и зажегъ всю эту груду телѣгъ и лафетовъ. Я позабылъ сказать, что на самый верхъ я свалилъ еще всѣ обозы съ провіантомъ.

Наиболѣе легко воспламеняемые предметы я благоразумно сложилъ внизъ, и такимъ образомъ не прошло минуты, какъ вся эта груда представляла одно сплошное и яркое пламя.

Чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, я былъ одинъ изъ первыхъ поднявшихъ тревогу. Весь станъ, какъ легко себѣ представить, пришелъ въ страшное смятеніе; скоро всѣ пришли къ тому заключенію, что караулъ былъ, вѣроятно, подкупленъ непріятелемъ, который, пользуясь этимъ выгоднымъ для себя обстоятельствомъ, пришелъ изъ крѣпости въ количествѣ семи или восьми полковъ и учинилъ это ужасное опустошеніе въ ихъ артиллеріи.

Господинъ Дринкуатеръ, въ своей исторіи этой знаменитой осады, упоминаетъ о большомъ уронѣ, который потерпѣлъ непріятель вслѣдствіе бывшаго въ его станѣ пожара, но никакъ не объясняетъ причину этого пожара. Онъ и не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ я никому, даже генералу Эллиоту ничего не открылъ, хотя я одинъ, собственноручной работой своей, спасъ въ эту ночь Гибралтаръ.

Графъ д'Артуа въ первую же минуту страха и смятенія бѣжалъ вмѣстѣ со своими людьми; не останавливаясь, бѣжали они дней четырнадцать, пока наконецъ не достигли Парижа. Страхъ, овладѣвшій ими при видѣ страшнаго пожара, былъ такъ великъ, что въ продолже-

ніе трехъ мѣсяцевъ они ничего не ѣли и не пили, а подобно хамелеонамъ питались однимъ воздухомъ.

Спустя мѣсяца два послѣ того, какъ я оказалъ осажденнымъ эту услугу, я сидѣлъ за завтракомъ вмѣстѣ съ генераломъ Элліотомъ, какъ вдругъ въ комнату влетѣла бомба и упала на столъ (я не успѣлъ побросать непріятельскія мортиры въ море вслѣдъ за ихъ пушками).

Генералъ, какъ это сдѣлалъ бы и всякій на его мѣстѣ, вскочилъ и поспѣшилъ оставить комнату.

Я же схватилъ бомбу прежде, чѣмъ ее разорвало, и снесъ ее на вершину утеса. Отсюда я усмотрѣлъ на возвышавшемся у самаго морскаго берега холму, недалеко отъ непріятельскаго стана, изрядную толпу людей; однако разглядѣть простымъ глазомъ, чѣмъ они были заняты, я никакъ не могъ; вотъ почему я вооружился телескопомъ и съ его помощью увидалъ двоихъ изъ нашихъ, одного генерала, а другаго полковника; оба они не далѣе какъ наканунѣ провели вечеръ со мною, а ночью вздумали прокрасться въ качествѣ лазутчиковъ въ непріятельскій лагерь, тамъ попались въ руки враговъ, которые теперь собирались ихъ повѣсить.

Разстояніе, раздѣлявшее насъ, было слишкомъ велико, и я никоимъ образомъ не могъ надѣяться, что пущенная невооруженной рукой бомба моя попадетъ въ нихъ. Но тутъ я, къ счастью, вспомнилъ, что у меня въ карманѣ находится та самая праща, которую съ такимъ успѣхомъ употребилъ блаженной памяти царь Давидъ противъ филистимскаго великана Голіаѳа.

Я вложилъ въ нее свою бомбу и, раскачавъ, немедлен-

но пустилъ ее въ собравшійся кружокъ людей. Упавъ, она разлетѣлась и убила всѣхъ окружающихъ, за исключеніемъ англійскихъ офицеровъ, которые къ счастью были уже вздернуты на висѣлицу.

А между тѣмъ одинъ осколокъ бомбы ударилъ о подножіе висѣлицы, которая вслѣдствіе этого повалилась. Едва наши друзья почувствовали подъ собою твердую землю, какъ тотчасъ же принялись озираться, стараясь отыскать причину этой нежданной катастрофы. Видя, что стражѣ и палачу пришла фантазія умереть прежде нихъ, они сняли другъ другу съ шеи неудобныя петли, кинулись бѣжать къ берегу, вскочили въ первую попавшуюся имъ лодку и велѣли лодочнику везти себя къ одному изъ нашихъ кораблей.

Черезъ нѣсколько минутъ и въ то самое время, какъ я разсказывалъ все это происшествіе генералу Эллiоту, они благополучно прибыли къ намъ, и мы, послѣ обоюдныхъ поздравленій и объясненій, самымъ веселымъ образомъ отпраздновали этотъ замѣчательный день.

Читателю, безъ сомнѣнія, будетъ очень любопытно узнать, какимъ образомъ такое сокровище, какъ эта праща, очутилось въ моихъ рукахъ. Хорошо! Это совершилось весьма просто; въ продолженіе многихъ столѣтій рѣдкость эта благоговѣйно сохранялась въ нашей фамиліи и, путемъ наслѣдства, переходила отъ одного поколѣнія къ другому; такимъ же образомъ перешла она, наконецъ, и къ моему отцу, отъ котораго я наслѣдовалъ ее незадолго до моего путешествія въ Гибралтаръ.

При этомъ отецъ разсказалъ мнѣ слѣдующій, часто

слышанный отъ него его друзьями, замѣчательный анекдотъ, въ правдивости котораго никто, знававшій честнаго старика, конечно не усомнится.

— «Въ моихъ путешествіяхъ», — началъ онъ, — «мнѣ случалось часто и по долгу останавливаться и проживать въ Англіи. Однажды я отправился для прогулки на берегъ моря, недалеко отъ Гарвика. Вдругъ на меня накинулся съ яростью свирѣпый морской конекъ. Съ собою у меня не было другаго орудія кромѣ пращи, съ помощью которой я такъ мѣтко пустилъ въ животное два булыжника, что каждый изъ нихъ вышибъ чудовищу по глазу. Затѣмъ я вскочилъ ему на спину и вогналъ его обратно въ море, ибо съ потерею зрѣнія свирѣпость животнаго мигомъ исчезла и оно сдѣлалось кроткимъ на сколько это было возможно. Мою пращу я вложилъ ему въ пасть вмѣсто мундштука и безъ всякихъ затрудненій поѣхалъ на немъ верхомъ по океану.

«Менѣе чѣмъ въ три часа мы оба прибыли на противоположный берегъ, до котораго все таки никакъ не менѣе тридцати морскихъ миль.»

«Въ Гелветслюисѣ я продалъ этого морскаго конька за семьсотъ дукатовъ хозяину гостинницы «трехъ бокаловъ», который началъ и продолжалъ его показывать какъ чрезвычайную рѣдкость и этимъ нажилъ себѣ кучу денегъ.» Изображеніе этого животнаго можно видѣть и теперь въ Бюффоновой естественной исторіи.

«Какъ ни страненъ былъ этотъ способъ путешествія по океану»,—продолжалъ отецъ мой,—«но наблю-

денія и открытія, сдѣланныя мною въ это время, были еще необыкновеннѣе.

«Животное, на спинѣ котораго я сидѣлъ, не плыло, но бѣжало съ невѣроятною скоростью по дну моря, разгоняя передъ собою милліоны рыбъ, совершенно не похожихъ на обыкновенныя рыбы. У однихъ голова помѣщалась на срединѣ туловища, у другихъ на концѣ хвоста. Нѣкоторыя, собравшись въ кружокъ, сидѣли и невыразимо хорошо пѣли хоромъ; другія изъ одной воды строили великолѣпныя, прозрачныя зданія, окруженныя колоссальными колоннами, въ которыхъ какое-то вещество, которое я не могъ принять ни за что иное какъ за чистѣйшій огонь, блестя самыми яркими красками, перебѣгало въ очаровательнѣйшихъ волнообразныхъ переливахъ взадъ и впередъ.»

«Между прочимъ набрелъ я на чудовищную горную цѣпь, которой вышина равнялась по меньшей мѣрѣ вершинѣ Альповъ. По склонамъ этихъ горъ стояли высокія деревья разныхъ породъ. На нихъ росли гомары, раки, устрицы, раковины, морскіе змѣи и т. д., изъ которыхъ нѣкоторые были такихъ огромныхъ размѣровъ, что можно бы было одной штукой нагрузить цѣлый возъ, а самые маленькіе съ трудомъ бы стащилъ самый дюжій носильщикъ. Выбрасываемые на берегъ и продаваемые на нашихъ рынкахъ устрицы, раки, гомары и раковины ни что иное, какъ мелюзга, сбитая силою воды съ вѣтвей, подобно тому, какъ на землѣ вѣтромъ срываются съ деревъ мелкіе и несозрѣвшіе плоды.

«Гомарныя деревья отличались своей толщиной и

обширностью, зато раковыя и устричныя деревья были самыя высокія. Небольшія морскія змѣи ростутъ на кустахъ, которые обыкновенно стоятъ около устричныхъ деревъ и обвиваются вокругъ ихъ стволовъ, какъ плющъ вокругъ дуба.

«Я охотно захватилъ бы съ собою на память и ради рѣдкости нѣсколько штукъ такихъ гомаровъ и морскихъ змѣй, но, къ сожалѣнію, не могъ этого сдѣлать, отчасти потому, что это было слишкомъ затруднительно, а отчасти и потому, что Пегасъ мой никакъ не хотѣлъ остановиться. Къ тому-же, когда мнѣ пришла эта мысль, я уже находился на большомъ разстояніи отъ горъ и проѣзжалъ по глубокой долинѣ, которая была, по меньшей мѣрѣ, на пятьдесятъ саженъ ниже уровня воды, и гдѣ недостатокъ воздуха мало по малу начиналъ безпокоить меня.

«Впрочемъ не могу сказать, чтобы мое положеніе и въ другихъ отношеніяхъ было изъ самыхъ пріятныхъ. Отъ времени до времени мнѣ на встрѣчу попадались огромныя рыбы, которыя, судя по ихъ разинутымъ пастямъ, были не прочь проглотить насъ обоихъ. Бѣдный Россинантъ мой былъ слѣпъ, — а потому, если мы не сдѣлались жертвами человѣколюбивыхъ намѣреній этихъ голодныхъ господъ, то это благодаря единственно моей осторожности. Я продолжалъ скакать во весь опоръ и такимъ образомъ скоро достигъ берега и всталъ опять на твердую почву.»

На этомъ оканчивается разсказъ моего отца; я припомнилъ его по поводу знаменитой пращи, которая дол-

го сберегалась въ цѣлости въ нашей семьѣ и зачастую оказывала ей очень важныя услуги; но побывавъ въ пасти морскаго конька она, къ сожалѣнію, оказалась сильно исковерканною. По крайней мѣрѣ я не болѣе какъ одинъ разъ могъ употребить ее въ дѣло; а именно съ ея помощью я возвратилъ, какъ уже было разсказано, испанцамъ ихъ бомбу и этимъ спасъ двухъ друзей моихъ отъ висѣлицы. При этомъ благородномъ употребленіи праща моя окончательно погибла. Большая ея часть отлетѣла вмѣстѣ съ бомбой, а маленькій, оставшійся у меня въ рукахъ осколокъ, еще и теперь лежитъ въ нашемъ семейномъ архивѣ, гдѣ хранится вмѣстѣ съ другими достопримѣчательными древностями для вѣчнаго воспоминанія.

Вскорѣ послѣ этого я оставилъ Гибралтаръ и возвратился въ Англію. Тамъ случилось со мною одно изъ наиболѣе странныхъ приключеній моей жизни.

Мнѣ нужно было побывать въ Уаппингѣ, чтобы приглядѣть за отправкою различныхъ вещей, посылаемыхъ мною въ Гамбургъ кое-кому изъ моихъ друзей. Покончивъ съ этимъ дѣломъ и возвращаясь домой, я проходилъ мимо пристани Лондонской башни.

Былъ полдень; я былъ страшно утомленъ, къ тому же солнце пекло дотого сильно, что я былъ радъ укрыться отъ него, и влѣзъ въ первую пушку, чтобы нѣсколько отдохнуть. Не успѣлъ я забраться въ нее, какъ тотчасъ же впалъ въ глубокій сонъ.

Это было четвертаго іюня, день рожденья царствующей королевы, и ровно въ часъ изо всѣхъ пушекъ про-

гремѣли выстрѣлы въ честь высокоторжественнаго дня. Пушки были заряжены еще съ утра, и такъ какъ никому и въ голову не могло придти, чтобы я находился въ одной изъ пушекъ, то изъ нея, какъ и изъ остальныхъ раздался выстрѣлъ, сила котораго перебросила меня черезъ дома на ту сторону рѣки, гдѣ я упалъ въ огородъ одного фермера, между Бермондзой и Дептфордомъ, на большой стогъ сѣна, и не просыпаясь остался лежать, что очень понятно, если принять въ соображеніе полученный мною оглушительный толчокъ.

Мѣсяца черезъ три сѣно вдругъ такъ вздорожало, что фермеръ, разсчитывая на большіе барыши, вздумалъ пустить его теперь въ продажу. Стогъ, на которомъ я лежалъ, былъ одинъ изъ самыхъ большихъ стоявшихъ на дворѣ фермы; въ немъ было на худой конецъ пятьсотъ возовъ, и съ него-то именно и начали продажу.

Говоръ людей, прилаживавшихъ лѣстницу и хотѣвшихъ уже взобраться на стогъ, разбудилъ меня. Съ просонья и не понимая хорошенько, гдѣ я, я кинулся было бѣжать и грохнулся на землю, къ несчастью, какъ разъ на владѣльца сѣна. Собственно мнѣ это паденіе нисколько не повредило, но фермеръ отъ него сильно-таки пострадалъ: онъ умеръ тутъ же на мѣстѣ, ибо невиннѣйшимъ образомъ я сломалъ ему затылокъ.

Потомъ я скоро успокоился, узнавъ, что этотъ фермеръ былъ гнусный барышникъ, который всегда берегъ продукты своихъ земель до тѣхъ поръ, пока не наступала на нихъ страшная дороговизна, а тогда онъ продавалъ ихъ съ непомѣрными барышами, и такъ насильственная

смерть его была для него вполнѣ заслуженнымъ наказаніемъ, а для общества истиннымъ благодѣяніемъ.

Какъ сильно было мое изумленіе, когда я, пришедши въ себя, связалъ свои настоящія мысли съ тѣми, съ которыми заснулъ три мѣсяца тому назадъ, и какъ велико было удивленіе моихъ лондонскихъ друзей, когда я, послѣ долгихъ и тщетныхъ розысковъ съ ихъ стороны, вдругъ снова явился между ними, это легко можетъ себѣ представить каждый, кто только возьметъ на себя трудъ зрѣло обсудить дѣло.

ВОСЬМОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

Моимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, случалось слышать про сѣверную экспедицію капитана Фиппса, въ настоящее время лорда Мульграва.

Я сопутствовалъ капитану, — не въ качествѣ офицера, но въ качествѣ его друга.

Достигнувъ значительно высокаго градуса сѣверной широты, я вооружился своимъ телескопомъ, о которомъ уже говорилъ, разсказывая свое посѣщеніе Гибралтара, и принялся разсматривать окружающіе меня предметы. Скажу мимоходомъ, что я всегда считалъ полезнымъ отъ времени до времени осматриваться, особенно же путешествуя.

Приблизительно въ разстояніи полмили отъ нашего корабля плыла громадная ледяная глыба, гораздо выше нашихъ мачтъ; на ней я усмотрѣлъ двухъ бѣлыхъ мед-

вѣдей, между которыми, какъ мнѣ показалось, шла жаркая борьба.

Захвативъ свое оружіе, я немедленно же направился на эту движущуюся ледяную гору и, достигнувъ ея вершины, долженъ былъ сознаться, что дорога туда была въ высшей степени опасна и утомительна. Часто приходилось перескакивать черезъ страшныя пропасти; въ другихъ же мѣстахъ поверхность была дотого гладка и похожа на зеркало, что я то и дѣло скользилъ, вставалъ и снова падалъ. Съ большимъ трудомъ добрался я наконецъ до медвѣдей и увидѣлъ, что они не боролись, а только играли другъ съ другомъ.

Я уже разсчитывалъ про себя стоимость ихъ шкуръ—оба они по величинѣ своей равнялись, по меньшей мѣрѣ, хорошо откормленному быку—и уже собрался было прицѣлиться, какъ вдругъ правая нога моя поскользнулась и я упалъ навзничъ; сила паденія отбила у меня память, и я лежалъ съ полчаса безъ чувствъ.

Кто не съумѣетъ представить себѣ моего удивленія, когда, придя въ себя, я увидѣлъ, что одно изъ этихъ чудовищъ, повернувъ меня, уже успѣло ухватиться за ремешки моихъ новыхъ кожаныхъ панталонъ.

Верхняя часть моего тѣла находилась подъ туловищемъ медвѣдя, а ноги торчали изъ-подъ него. Богъ вѣсть куда бы затащилъ меня звѣрь, еслибъ я не догадался, осторожно вынувъ свой карманный ножъ, отрубить ему три пальца лѣвой его ноги. Тутъ онъ тотчасъ выпустилъ меня и, поднявъ страшный ревъ, ударился

въ бѣгство. Я же, поднявъ свое оружіе, выстрѣлилъ въ него, пока онъ удиралъ, и уложилъ его на мѣстѣ.

Но выстрѣлъ мой, усыпивъ такимъ образомъ одного изъ этихъ кровожадныхъ животныхъ, разбудилъ нѣсколько тысячъ ихъ, спокойно лежавшихъ и спавшихъ на льдинѣ въ разстояніи полъ-мили отъ меня. Стремглавъ бросились они всѣ бѣжать прямо на меня. Терять времени не приходилось. Я долженъ былъ погибнуть или спастись какой нибудь быстрой и удачной выдумкой.

Выдумка эта явилась.

Употребивъ приблизительно половину того времени, которое необходимо бывалому охотнику для снятія шкуры съ зайца, я содралъ съ убитаго медвѣдя его шубу, завернулся въ нее, и просунулъ свою голову въ отверстіе шкуры, находившееся какъ разъ подъ его головою. Едва успѣлъ я нарядиться, какъ все стадо медвѣдей собралось вокругъ меня.

Меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ подъ моей новой шубой; а между тѣмъ хитрость моя увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Одинъ за другимъ подходили ко мнѣ медвѣди, обнюхивали и очевидно принимали меня за собрата своего — мишку. Да и въ самомъ дѣлѣ мнѣ не доставало, для полнаго сходства съ ними, только ихъ роста; впрочемъ нѣкоторые медвѣжата были немногимъ выше меня. Обнюхавъ меня и трупъ умершаго товарища своего, они сдѣлались очень обходительными со мною; къ тому-же надо прибавить, что я съумѣлъ довольно удачно подра-

Art. Anst v. E. Hochdanz, Stuttgart.

жать всѣмъ ихъ движеніямъ, только въ ревѣ, борьбѣ и воркотнѣ они оставались моими учителями.

Однако не смотря на мое внѣшнее сходство съ медвѣдемъ, внутри я все-же оставался человѣкомъ, а потому и принялся размышлять и обдумывать, какъ бы мнѣ воспользоваться, съ наибольшею выгодою для себя, установившимся между мною и этими звѣрями довѣріемъ.

Какъ-то давно слыхалъ я отъ одного стараго фельдшера, что рана, нанесенная въ становую кость, мгновенно убиваетъ. Это навело меня на мысль сдѣлать опытъ.

Взявъ въ руки свой ножъ, я всадилъ его въ затылокъ, между плечъ, самому большому медвѣдю. Во всякомъ случаѣ такой поступокъ былъ очень отваженъ, и меня-таки порядочно пробиралъ страхъ. Можно навѣрное сказать, что переживи звѣрь эту рану, я былъ бы разодранъ на клочки.

Однако же моя попытка счастливо удалась; медвѣдь упалъ мертвый къ моимъ ногамъ, даже не испустивъ при этомъ ни малѣйшаго звука.

Теперь я рѣшился тѣмъ же способомъ усыпить и всѣхъ остальныхъ, что оказалось весьма не труднымъ дѣломъ, такъ какъ видъ падающихъ вокругъ нихъ, направо и налѣво, братьевъ нисколько не приводилъ ихъ въ ярость. Къ счастью для меня и для себя, они не разсуждали ни о причинѣ, ни о слѣдствіяхъ этого паденія.

При видѣ лежавшихъ вокругъ меня убитыхъ медвѣдей, мнѣ представилось, что я Самсонъ, именно въ ту минуту, когда онъ, одною челюстью, уложилъ тысячу человѣкъ филистимлянъ.

Чтобы скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, я отправился теперь обратно на корабль и выпросилъ себѣ тамъ три четверти экипажа; люди эти должны были помочь мнѣ содрать шкуры и перетащить окорока на бортъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы покончили эту работу и нагрузили весь корабль. Остальныя части медвѣдя были выброшены въ море, не смотря на мое убѣжденіе, что, посоленныя надлежащимъ образомъ, онѣ оказались бы не менѣе вкусными, чѣмъ окорока.

Возвратившись въ Лондонъ, я послалъ, отъ имени капитана, нѣсколько окороковъ лордамъ адмиралтейства, другіе лордамъ казначейства, наконецъ, нѣсколько штукъ отправилъ лондонскому лорду-меру и магистрату, а также разнымъ торговымъ компаніямъ; остальные подарилъ собственно моимъ друзьямъ.

Всѣ безъ исключенія выразили мнѣ самую горячую благодарность; но совершенно примѣрнымъ образомъ отплатили мнѣ за мой подарокъ обитатели Сити, а именно приглашеніемъ ежегодно обѣдать въ Ратушѣ въ день избранія лорда-мэра.

Нѣкоторые злые языки распространили клевету, будто капитанъ Фиппсъ въ этой экспедиціи не прошелъ такъ далеко, какъ могъ бы это сдѣлать. На мнѣ лежитъ обязанность замолвить нѣсколько словъ въ его защиту. Корабль нашъ плылъ и подвигался очень исправно, пока я не нагрузилъ его медвѣжьими шкурами и окороками, и притомъ же въ такомъ страшномъ количествѣ, что было бы совершеннымъ безумiемъ пытаться идти дальше.

Съ такимъ грузомъ мы еле-еле могли бороться про-

тивъ нѣсколько холоднаго вѣтра; не говорю уже о невозможности лавировать, чтобы избѣжать столкновеній съ ледяными горами, которыя часто встрѣчаются подъ этими градусами широты.

Съ тѣхъ поръ капитанъ часто выражалъ мнѣ сожалѣніе, что ему не удалось раздѣлить со мною славу этого дня, который въ шутку называлъ всегда днемъ «медвѣжьихъ шкуръ».

Онъ и до сихъ поръ сильно таки завидуетъ мнѣ и всячески старается умалить честь этой побѣды. Мы изъза этого уже нѣсколько разъ ссорились, да и до сихъ поръ отношенія наши очень натянуты.

Между прочимъ онъ утверждаетъ, что я не имѣю права ставить себѣ въ заслугу, что обманулъ медвѣдей, такъ какъ для этого я закутался въ ихъ же шкуру, а что его они навѣрное приняли бы за медвѣдя, даже еслибъ онъ пошелъ промежъ нихъ безъ всякой маски.

Разумѣется я считаю себя человѣкомъ слишкомъ образованнымъ для того, чтобы спорить о такомъ деликатномъ вопросѣ съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ благороднымъ лордомъ.

ДЕВЯТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

Другое морское путешествіе я совершилъ съ капитаномъ Гамильтономъ. Мы выѣхали изъ Англіи и отправились въ Остъ-Индію.

Со мною была моя лягавая собака, которую, въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ, нельзя было промѣнять ни на какое золото, ибо она никогда не обманывала меня.

Однажды когда мы, послѣ самыхъ тщательныхъ наблюденій, рѣшили, что находимся на худой конецъ на разстояніи трехъ сотъ миль отъ земли, собака моя что-то почуяла и принялась нюхать. Почти цѣлый часъ я съ удивленіемъ наблюдалъ за нею, а потомъ обратилъ на ея поведеніе вниманіе капитана и офицеровъ, утверждая, что мы находимся не далеко отъ земли, ибо собака моя навѣрное почуяла близость дичи.

Такое утвержденіе возбудило общій хохотъ, но не поколебало моего хорошаго мнѣнія о моей собакѣ.

Послѣ продолжительнаго спора за и противъ, я наконецъ очень рѣшительно объявилъ капитану, что довѣряю чутью моего «Трейя» гораздо болѣе, чѣмъ глазамъ всѣхъ находящихся на бортѣ моряковъ, и потомъ смѣло предложилъ ему держать со мною пари на сто гиней — сумму, за которую я условился совершить это путешествіе — въ томъ, что не пройдетъ и получаса, какъ мы встрѣтимъ дичь.

Услыхавъ это, капитанъ—добродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ—принялся снова хохотать и, обращаясь къ господину Эрауфорду, нашему корабельному доктору, попросилъ его пощупать мой пульсъ.

Докторъ исполнилъ его желаніе, послѣ чего объявилъ меня совершенно здоровымъ.

Затѣмъ между ними начался шопотъ, бо́льшую часть котораго я отлично понялъ.

— «Онъ не въ полномъ разсудкѣ»,—говорилъ капитанъ,—«и я, какъ честный человѣкъ, никакъ не могу принять его пари».

— «Я совершенно противоположнаго мнѣнія,»—возразилъ докторъ.—«Онъ въ полномъ разумѣ; но только довѣряетъ чутью своей собаки больше, чѣмъ разуму всѣхъ нашихъ моряковъ. Во всякомъ случаѣ онъ проиграетъ пари, да такъ и надо, онъ заслуживаетъ этого».

— «Тѣмъ не менѣе принять это пари,» — продолжалъ капитанъ, — «будетъ не совсѣмъ честно съ моей стороны.

Впрочемъ, я заслужу себѣ еще болѣе славы, если, выигравъ, возвращу ему его деньги».

Пока они разговаривали, Трэй продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ и еще болѣе утвердилъ меня въ моемъ мнѣніи; я возобновилъ свое предложеніе держать пари— и на этотъ разъ оно было принято.

Едва успѣли мы ударить по рукамъ, какъ нѣсколько матросовъ, ловившихъ въ это время рыбу съ ялика, прикрѣпленнаго къ кормѣ корабля, поймали необыкновенной величины акулу и тотчасъ же втащили на бортъ.

Тутъ рыбу принялись рѣзать и глядь—въ животѣ у нея нашлось никакъ не менѣе шести паръ живыхъ куропатокъ.

Бѣдныя эти созданія очевидно уже давно находились въ утробѣ рыбицы, такъ какъ одна изъ самокъ сидѣла на пяти яицахъ, а изъ одного даже вылупился цыпленокъ въ ту самую минуту, какъ разрѣзали акулу.

Этого цыпленка мы выростили вмѣстѣ съ только-что появившимися на свѣтъ котятами, и старая кошка любила его не менѣе своихъ четвероногихъ дѣтенышей и всегда очень тревожилась и суетилась, если птенецъ улеталъ сколько-нибудь далеко и не скоро возвращался къ ней.

Изъ этихъ найденныхъ куропатокъ четыре оказались самками; изъ нихъ одна или двѣ всегда высиживали цыплятъ, такъ что въ продолженіи всего нашего путешествія къ столу капитана постоянно подавалась дичь въ изобиліи.

Бѣдному Трэйю, въ благодарность за выигранныя сто гиней, я приказалъ ежедневно отдавать кости, а иногда давалъ ему и цѣлую птицу.

ДЕСЯТОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ НА МОРѢ.

Вторичное путешествіе на луну.

Уже раньше разсказывалъ о маленькой поѣздкѣ, совершенной мною на луну для отысканія серебрянаго топорика. Послѣ этого мнѣ пришлось еще разъ посѣтить эту планету, но на этотъ разъ поѣздка туда совершилась несравненно болѣе удобнымъ и пріятнымъ способомъ, и притомъ я оставался тамъ довольно долго для того, чтобы изучить очень основательно разныя вещи, которыя я и намѣренъ описать настолько точно, насколько позволитъ это моя память.

Одному дальнему родственнику моему засѣла въ голову фантазія, будто необходимо долженъ существовать народъ, вышиною роста равняющійся съ жителями, найденными Гулливеромъ въ королевствѣ Бродиньяги.

Чтобы изслѣдовать это, онъ предпринялъ путешествіе и просилъ меня сопутствовать ему.

Я съ моей стороны никогда не считалъ этого разсказа чѣмъ нибудь другимъ, какъ очень милой сказкой и вѣрилъ въ Бродиньягу такъ же мало, какъ въ Эльдорадо. А между тѣмъ этотъ господинъ назначилъ меня своимъ наслѣдникомъ, и такимъ образомъ я былъ обязанъ отплатить ему за любезность любезностью.

Мы благополучно достигли южнаго океана, не встрѣтивъ ничего такого, что заслуживало бы разсказа, кромѣ нѣсколькихъ летающихъ птицъ, которыя танцовали минуэтъ на воздухѣ, совершали разные ловкіе прыжки и тому подобныя малости.

На восемнадцатый день, когда мы подходили къ острову Отаити, ураганъ поднялъ нашъ корабль на воздухъ на вышину, по меньшей мѣрѣ, ста миль и нѣсколько времени держалъ насъ неподвижными на этой высотѣ.

Наконецъ свѣжій вѣтеръ надулъ паруса, и корабль нашъ понесся дальше съ невѣроятною быстротою.

Въ продолженіе шести недѣль мы плыли надъ облаками, и, наконецъ, увидали большую землю, похожую на свѣтящійся островъ. Мы вступили въ очень удобную гавань, вышли на берегъ и нашли, что земля эта обитаема. Подъ собою мы увидали другую землю съ городами, деревьями, горами, рѣками, озерами и т. д. То былъ, какъ мы сообразили, оставленный нами міръ.

На лунѣ — ибо свѣтящійся островъ, на который мы высадились, была луна—мы увидали большихъ людей, ѣздившихъ верхомъ на трехглавыхъ коршунахъ. Чтобы

дать понятіе читателямъ о величинѣ этой птицы, я долженъ сказать, что разстояніе отъ одного конца крыла ея до другаго въ шесть разъ больше самаго длиннаго мачтоваго каната на нашемъ кораблѣ. Какъ жители земли ѣздятъ на лошадяхъ, такъ точно жители луны летаютъ на этихъ птицахъ.

Король въ это время велъ войну съ солнцемъ и предлагалъ мнѣ мѣсто офицера, но я отказался отъ чести, которой удостоило меня его величество.

Все въ этомъ мірѣ чрезмѣрно велико; напр. обыкновенная муха немного меньше нашей овцы. Главное орудіе, употребляемое на войнѣ жителями луны,—рѣдька; она замѣняетъ имъ наши метательныя копья и въ кого она попадаетъ, тотъ умираетъ на мѣстѣ. Ихъ щиты дѣлаются изъ грибовъ, а когда проходитъ время рѣдьки, то ее замѣняютъ стебельками спаржи.

Кромѣ жителей луны я видѣлъ здѣсь еще нѣсколькихъ уроженцевъ созвѣздія Пса, которыхъ меркантильный духъ заставляетъ предпринимать такія далекія путешествія. Лицо этихъ странныхъ человѣчковъ похоже на морду большихъ бульдоговъ. Глаза ихъ помѣщаются съ обѣихъ сторонъ кончика носа или, вѣрнѣе, на нижней оконечности носа. У нихъ нѣтъ вѣкъ и когда они хотятъ спать, то закрываютъ глаза языкомъ. Ростомъ они обыкновенно въ двадцать футовъ.

Между жителями же луны нѣтъ ни одного ниже 36 футовъ. Имя, которымъ ихъ называютъ, нѣсколько странно. Ихъ называютъ не людьми, а «варящими существами»

ибо они, какъ и мы, приготовляютъ свою пищу съ помощью огня.

Впрочемъ ѣда отнимаетъ у нихъ мало времени, такъ какъ процессъ ѣды у нихъ совершенно иной: они только открываютъ себѣ лѣвый бокъ и кладутъ всю порцію прямо въ желудокъ, послѣ чего снова закрываютъ его на цѣлый мѣсяцъ, по истеченіи котораго повторяется тоже самое. Такимъ образомъ они ѣдятъ только двѣнадцать разъ въ годъ,—порядокъ, который каждый кто не гастрономъ и не обжора, навѣрное предпочтетъ нашему.

Когда люди на лунѣ состарятся, то они не умираютъ, но таютъ въ воздухѣ и улетучиваются, какъ дымъ.

На каждой рукѣ у нихъ только по одному пальцу, которымъ они все дѣлаютъ такъ же хорошо, если не лучше насъ, хотя мы, кромѣ большаго пальца, имѣемъ еще четыре лишнихъ.

Голову свою они носятъ подъ правой рукой, а когда отправляются путешествовать или на работу, требующую сильнаго движенія, то обыкновенно оставляютъ ее дома, потому что могутъ во всякое время сноситься съ нею, какъ бы далеко они ни были отъ нея.

Вельможи на лунѣ, когда желаютъ знать, что происходитъ въ низшихъ сословіяхъ, не отправляются сами знакомиться съ ихъ бытомъ, но остаются обыкновенно дома, или вѣрнѣе сказать туловище остается дома и посылаетъ голову, которая всюду побываетъ инкогнито и, по желанію господина своего, можетъ во всякое время вернуться съ собранными вѣстями.

Виноградныя зерна на лунѣ вполнѣ сходны съ нашимъ

градомъ, и я вполнѣ увѣренъ, что когда буря сшибаетъ на лунѣ виноградныя ягоды съ лозъ, то зерна падаютъ на землю и образуютъ градъ.

Я увѣренъ также, что это мое замѣчаніе давно уже извѣстно многимъ виноторговцамъ, по крайней мѣрѣ, я часто получалъ вино, которое казалось сдѣланнымъ изъ градинъ и по вкусу очень похоже было на лунное вино.

Я совсѣмъ было забылъ одно очень замѣчательное обстоятельство. Для лунныхъ жителей желудокъ вполнѣ замѣняетъ чемоданъ; они прячутъ въ него все, что имъ нужно, и запираютъ и отпираютъ его по произволу, точь въ точь какъ отпираютъ и запираютъ чемоданъ, ибо они не обременены ни кишками, ни печенью, ни сердцемъ, ни другими внутренностями.

Глаза они могутъ по волѣ вставлять и вынимать и видятъ ими такъ же хорошо, когда они у нихъ въ рукѣ, какъ и когда вставлены во лбу. Если случайно потеряютъ или испортятъ свои глаза, то могутъ взять на прокатъ или купить другіе, которые будутъ имъ служить такъ же хорошо, какъ ихъ собственные. Вотъ почему на лунѣ всюду можно встрѣтить людей, торгующихъ глазами. Эти торговцы глазами получаютъ большія выгоды, потому что вкусы очень различны и притомъ часто измѣняются; иногда бываютъ въ модѣ и охотно покупаются голубые, иногда каріе, иногда зеленые или сѣрые глаза.

Согласенъ, что все это очень странно, но я предоставляю каждому, въ комъ возбудится какое-либо сомнѣніе въ правдивости моего разсказа, свободу самому отправиться на луну и убѣдиться, что я былъ такъ близокъ къ истинѣ, какъ немногіе изъ путешественниковъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЧЕРЕЗЪ ЦЕНТРЪ ЗЕМЛИ И ДРУГІЯ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ.

Путешествіе въ Сицилію Брайдона, чтеніе котораго доставило мнѣ такое необыкновенное удовольствіе, первое возбудило во мнѣ желаніе посѣтить гору Этну.

По дорогѣ туда я не встрѣтилъ ничего особенно замѣчательнаго.

Говорю *я*, ибо другому многое, вѣроятно, показалось бы въ высшей степени замѣчательнымъ и удивительнымъ; для меня же все это показалось не болѣе, какъ очень обыкновенными пустяками, разсказомъ о которыхъ я не желаю утомлять терпѣніе честныхъ людей.

Однажды утромъ я выѣхалъ изъ находившейся у подошвы горы хижины съ твердымъ намѣреніемъ и во что бы то ни стало, хотя бы даже съ опасностью жизни, посѣтить и изслѣдовать внутреннее устройство этой знаменитой огненной пучины.

Послѣ трех-часоваго утомительнаго пути, я очутился наконецъ на вершинѣ горы. Это было въ самое время ея изверженія, которое продолжалось уже три недѣли.

Видъ огнедышущей горы въ минуты ея изверженія былъ уже такъ часто описанъ, что мое описаніе—допустивъ даже возможность описать подобную картину—во всякомъ случаѣ опоздало; а такъ какъ я по опыту знаю, что описать этого нельзя, то не будетъ ли лучше, если я не стану тратить времени въ безполезныхъ попыткахъ сдѣлать невозможное?

Три раза обошелъ я вокругъ кратера, который должно себѣ представить въ видѣ чудовищной воронки, но, видя, что этимъ я ни на волосъ не прибавлю къ своему знанію, я безъ дальнѣйшихъ разсужденій рѣшился спрыгнуть внутрь жерла.

Едва успѣлъ я исполнить это, какъ очутился въ отчаянно горячей паровой банѣ, а постоянно взлетающіе раскаленные угли то и дѣло обжигали и ушибали бѣдный корпусъ мой въ различныхъ его частяхъ, благородныхъ и неблагородныхъ.

Впрочемъ какъ ни велика была сила, выбрасывающая вверхъ угли, тяжесть, съ которою опускалось мое тѣло, превышала ее, и я въ очень скоромъ времени благополучно достигъ дна.

Первое, что обратило на себя мое вниманіе, было—происходившіе вокругъ меня неистовый шумъ, гамъ и стукотня.

Я открылъ глаза и—глядь—находился въ обществѣ Вулкана и его Циклоповъ.

Господа эти — существованіе которыхъ я, въ своей мудрости, давно уже отнесъ къ области миѳовъ—слишкомъ три недѣли уже ссорились по поводу вопроса о дисциплинѣ и порядкѣ, вслѣдствіе чего на земной поверхности и произошла вся эта кутерьма.

Появленіе мое мгновенно возстановило въ этомъ обществѣ миръ и согласіе.

Самъ Вулканъ немедленно заковылялъ къ своему шкапчику и принесъ оттуда пластыря и мази, которыми собственноручно обложилъ мое тѣло, послѣ чего раны мои черезъ нѣсколько минутъ совершенно зажили. Кромѣ того онъ поднесъ мнѣ чѣмъ освѣжиться, поставивъ передо мною бутылку нектара и другихъ дорогихъ винъ, вкушаемыхъ въ старину одними лишь богами и богинями. Какъ скоро я нѣсколько отдохнулъ, онъ сдѣлалъ мнѣ очень подробное описаніе горы Этны. Онъ объяснилъ мнѣ, что она нечто иное, какъ скопленіе золы, выбрасываемой изъ его очага; разсказывалъ, какъ часто онъ вынужденъ бываетъ наказывать своихъ людей, и что тогда онъ въ своей ярости кидаетъ въ нихъ раскаленные угли, которые они очень часто и съ большою ловкостью отводятъ отъ себя и выбрасываютъ вверхъ, на поверхность земли, чтобы отнять ихъ изъ его рукъ.

— «Наши несогласія,»—продолжалъ онъ,—«длятся иногда нѣсколько мѣсяцевъ и производятъ на землѣ тѣ явленія, которыя вы, смертные, называете, какъ я вижу, изверженіями. Гора Везувій также одна изъ моихъ мастерскихъ, въ которую ведетъ дорога, пролегающая на глубинѣ, по меньшей мѣрѣ, 350 миль подъ моремъ. Подоб-

ныя же несогласія производятъ и тамъ такія же изверженія.»

Такимъ образомъ, я нѣсколько дней прожилъ подъ землею, не уставая наблюдать чудное житье-бытье Вулкана и его подчиненныхъ. Не смотря на господствующую тамъ страшную жару, я мало по малу привыкалъ къ ней и мнѣ становилось очень уютно, тѣмъ болѣе, что обращеніе Вулкана со мною отличалось особенною изысканностью, а угощеніе его—великолѣпіемъ. Но именно это-то выпавшее на мою долю изысканное предпочтеніе создало мнѣ злыхъ враговъ и завистниковъ, которые позаботились очернить меня въ глазахъ Вулкана самыми гнусными клеветами, достигнуть имъ чего, къ несчастью, вполнѣ удалось.

Не предувѣдомивъ меня ни малѣйшимъ намекомъ и не давъ мнѣ даже времени оправдаться отъ наговоровъ моихъ враговъ, Вулканъ взялъ меня въ одно прекрасное утро за руку, привелъ въ комнату, въ которой я до тѣхъ поръ никогда не бывалъ, подвелъ меня къ очень глубокому, какъ мнѣ показалось, колодезю и, держа меня надъ нимъ, сказалъ: «Неблагодарный смертный, убирайся обратно въ тотъ міръ, изъ котораго пришелъ».

И съ этими словами онъ низвергъ меня въ мрачную пропасть.

Я падалъ, и падалъ все съ болѣе и болѣе увеличивающейся стремительностью; наконецъ страхъ, овладѣвшій моей душой, лишилъ меня всякаго сознанія. Но вдругъ я очнулся отъ своего обморока, очутившись въ громад-

номъ, безпредѣльномъ океанѣ, освѣщенномъ солнечными лучами.

Я еще въ дѣтствѣ умѣлъ отлично плавать, нырять и продѣлывать въ водѣ разныя ловкія штуки, а потому и теперь я тотчасъ почувствовалъ себя какъ бы дома, и когда сравнилъ мое настоящее положеніе съ тѣмъ, изъ котораго только-что вышелъ, мнѣ показалось, будто я нахожусь въ раю.

Я принялся озираться во всѣ стороны, ища глазами что-нибудь похожее на берегъ, но, увы! всюду вокругъ меня была лишь одна вода; климатъ, въ которомъ я находился, теперь тоже не мало отличался отъ климата, господствующаго въ горнилѣ мастера Вулкана.

Наконецъ я завидѣлъ вдали нѣчто очень похожее на громадную скалу, плывшую мнѣ на встрѣчу.

Но скоро оказалось, что это одна изъ пловучихъ ледяныхъ горъ. Послѣ долгихъ исканій я таки нашелъ, наконецъ, мѣстечко, по которому могъ взобраться на льдину и вскарабкаться на самую вершину горы. Но и отсюда, къ величайшему моему отчаянію, я не могъ открыть ни малѣйшаго признака земли.

Наконецъ, уже въ сумеркахъ увидѣлъ я корабль, плывшій мнѣ на встрѣчу. Какъ скоро онъ достаточно приблизился ко мнѣ, я окликнулъ его: мнѣ отвѣчали на голландскомъ языкѣ; услыхавъ это, я вскочилъ въ море и пустился вплавь къ кораблю, который и принялъ меня на бортъ.

Я освѣдомился, въ какихъ находимся мы краяхъ? Мнѣ отвѣчали: въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ.

Это открытіе мгновенно разрѣшило загадку. Теперь стало ясно, что я съ горы Этны прошелъ черезъ центръ земли и попалъ въ южный Ледовитый океанъ, —путь во всякомъ случаѣ болѣе короткій, чѣмъ путь вокругъ свѣта. Никто до меня не совершалъ подобнаго путешествія, и если мнѣ еще разъ случится когда нибудь проѣзжать этой дорогой, то я непремѣнно займусь болѣе точными наблюденіями.

Освѣживъ и подкрѣпивъ себя пищею, я завалился спать.

Но какой же грубый народъ—эти голландцы! Я также просто и откровенно разсказалъ свое приключеніе офицерамъ корабля, какъ дѣлаю это теперь; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ, и въ особенности капитанъ, сдѣлали видъ, будто сомнѣваются въ правдивости моего разсказа. А между тѣмъ они очень любезно приняли меня на бортъ своего корабля, и къ тому же я находился въ такомъ положеніи, что принужденъ былъ жить ихъ милостями, слѣдовательно, по неволѣ приходилось молчать и глотать обиду.

Я спросилъ, куда держатъ они путь.

На это они отвѣтили мнѣ, что экспедиція ихъ была снаряжена съ цѣлью сдѣлать новыя открытія, и прибавили, что если мой разсказъ правдивъ, то цѣль эта во всякомъ случаѣ уже достигнута.

Мы находились въ это время именно на томъ пути, по которому ѣздилъ капитанъ Кукъ, и на слѣдующее утро прибыли въ Ботанибей, —мѣсто, куда англійскому правительству въ самомъ дѣлѣ слѣдовало бы отсылать

не преступниковъ для наказанія, но людей заслуженныхъ въ видѣ вознагражденія,—такъ щедро надѣлила природа этотъ уголокъ міра своими лучшими дарами.

Мы пробыли здѣсь всего три дня; на четвертый день послѣ нашего отплытія изъ Ботанибея поднялась страшная буря, которая не болѣе какъ въ нѣсколько минутъ порвала всѣ наши паруса, расколола бугшпритъ и опрокинула брамстенгу, которая повалилась какъ разъ на ящикъ, въ которомъ хранился нашъ компасъ, такъ что и ящикъ, и компасъ были разбиты въ дребезги.

Каждый, бывавшій въ морѣ, знакомъ съ печальными послѣдствіями такой потери. Теперь мы не знали, ни гдѣ находимся, ни куда плывемъ.

Наконецъ буря утихла, и надолго установился хорошій попутный вѣтеръ. Три мѣсяца плыли мы, и вѣроятно проѣхали огромный конецъ, какъ вдругъ замѣтили во всемъ окружающемъ поразительную перемѣну. На душѣ у насъ стало легко и весело; носы наши обоняли чрезвычайно пріятное благоуханіе; цвѣтъ моря тоже измѣнился—изъ зеленаго оно сдѣлалось бѣлымъ.

Вскорѣ послѣ этой удивительной перемѣны мы увидѣли землю, и не на далекомъ разстояніи отъ насъ—гавань. Мы поплыли къ ней и нашли, что она очень просторна и глубока. Но вмѣсто воды она была наполнена чрезвычайно пріятнымъ на вкусъ молокомъ.

Мы высадились на берегъ и тогда оказалось, что весь этотъ островъ былъ нечто иное какъ чудовищно-громадный сыръ; быть можетъ, мы не открыли бы этого, еслибъ

одно странное обстоятельство не помогло намъ напасть на слѣдъ.

На нашемъ кораблѣ былъ матросъ, имѣвшій врожденную антипатію къ сыру. Едва этотъ человѣкъ вышелъ на берегъ, какъ тотчасъ же упалъ въ обморокъ. Пришедши въ себя, онъ просилъ, нельзя ли вынуть изъ-подъ его ногъ сыръ; такая просьба, разумѣется, очень удивила насъ; мы стали разсматривать почву, на которой стоимъ, и убѣдились, что онъ правъ. Этотъ островъ, какъ уже сказано выше, былъ нечто иное какъ громадный сыръ. Имъ-то, бо́льшею частью, и питались жители, и съѣденное въ день количество сыра выростало въ слѣдующую же ночь. Кромѣ того мы видѣли на этомъ островѣ множество виноградныхъ лозъ съ прекрасными и крупнѣйшими ягодами, изъ которыхъ, когда мы ихъ подавили, полилось молоко.

Жители были красивыя существа; осанка ихъ величественна, а ростъ, бо́льшею частью, достигаетъ до девяти футовъ. У нихъ три ноги, одна рука, а у взрослыхъ на лбу красуется рогъ, которымъ они пользуются съ большимъ искусствомъ. Они, не падая, расхаживаютъ по поверхности молока и устраиваютъ на немъ бѣги также легко, какъ мы дѣлаемъ это на лугахъ.

На этомъ островѣ, или вѣрнѣе сказать сырѣ, росли въ большомъ количествѣ хлѣбныя растенія, съ колосьями, похожими на древесныя губки, въ которыхъ помѣщались совсѣмъ испеченые и готовые къ употребленію хлѣбы.

Разъѣзжая и гуляя по этому сыру, мы открыли семь молочныхъ рѣкъ и двѣ рѣки, текущія виномъ.

Послѣ шестнадцати дневной поѣздки, мы достигли берега, противоположнаго тому, на которомъ высадились. Тутъ мы открыли цѣлую полосу испорченнаго сыра, который обыкновенно такъ дорого цѣнится любителями. Но вмѣсто червей на немъ росли великолѣпныя фруктовыя деревья, персиковыя, абрикосовыя и тысяча другихъ сортовъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ у насъ.

На этихъ деревьяхъ, удивительно высокихъ и толстыхъ, лѣпилось множество птичьихъ гнѣздъ. Особенно поразило насъ гнѣздо желѣзной птицы, которое, по величинѣ своей окружности, не уступало куполу собора Св. Павла въ Лондонѣ. Гнѣздо это было искусно свито изъ чудовищныхъ деревъ и въ немъ, безъ всякаго преувеличенія, лежало на худой конецъ—500 яицъ, и каждое по своей величинѣ равнялось величинѣ бочки. Намъ не только удалось видѣть птенцовъ, но даже слышать ихъ пѣнье и свистъ.

Открывъ съ большимъ трудомъ одно изъ этихъ яицъ, мы нашли въ немъ маленькаго, еще неоперившагося цыпленка, который былъ значительно больше двадцати вмѣстѣ взятыхъ коршуновъ.

Едва успѣли мы освободить изъ заключенія это молодое созданье, какъ старая птица опустилась къ намъ и, схвативъ въ свои когти нашего капитана, полетѣла съ нимъ вверхъ; улетѣвъ на разстояніе мили, она принялась сильно колотить его своими обширными крыльями, и затѣмъ бросила его въ море.

Но Голландцы всѣ плаваютъ не хуже крысъ, а потому

капитанъ нашъ скоро опять вернулся къ намъ, и мы всѣ вмѣстѣ пошли обратно на бортъ корабля.

Но, идя туда, мы шли не по старой дорогѣ, а потому видѣли множество очень странныхъ и совершенно новыхъ для насъ предметовъ. Между прочимъ мы убили двухъ дикихъ быковъ, у которыхъ единственный рогъ торчалъ по срединѣ лба, между глазъ.

Впослѣдствіи, узнавъ, что туземцы дѣлаютъ ихъ ручными и ѣздятъ на нихъ, какъ мы—на лошадахъ, мы очень пожалѣли, что убили ихъ. Мясо этихъ животныхъ, какъ намъ говорили, очень вкусно, но совершенно не нужно народу, питающемуся однимъ молокомъ и сыромъ.

Находясь на разстояніи трехъ дней пути отъ нашего корабля, мы увидѣли трехъ людей, повѣшенныхъ на высокихъ деревьяхъ.

Я освѣдомился, какимъ преступленіемъ заслужили они такое строгое наказаніе, и узналъ, что эти молодцы ѣздили въ чужія страны, а по возвращеніи своемъ домой налгали своимъ друзьямъ, описывая имъ мѣста, которыхъ никогда не видали, и разсказывая никогда небывалыя съ ними происшествія.

Я нашелъ, что строгое наказаніе было вполнѣ заслужено, ибо всякій путешественникъ въ своихъ разсказахъ прежде всего обязанъ строго держаться истины.

Придя на бортъ корабля, мы тотчасъ снялись съ якоря и поплыли изъ этой необыкновенной страны.

При этомъ растущія на берегу деревья, изъ которыхъ нѣкоторыя достигали необыкновенной высоты, дважды

поклонились намъ и притомъ въ одно и тоже время, а затѣмъ снова приняли свое прежнее положеніе.

Послѣ трехъ-дневнаго плаванія, Богъ вѣсть по какому морю—ибо у насъ все еще не было компаса — мы въѣхали въ море, которое было совершенно чернаго цвѣта.

Мы попробовали, какова на вкусъ эта мнимая черная вода, и что же!—Это было великолѣпнѣйшее вино! Теперь намъ было довольно хлопотъ смотрѣть за матросами, не то всѣ они, вѣроятно, напились бы до-пьяна.

Однако удовольствіе это продолжалось не долго. Черезъ нѣсколько часовъ мы увидѣли себя окруженными китами и другими непомѣрно большими животными, между которыми было одно, котораго величину мы никакъ не могли обозрѣть, не смотря на то, что вооружались всевозможными телескопами. Къ несчастью мы замѣтили это чудовище только тогда, когда подошли къ нему уже довольно близко; и вдругъ весь нашъ корабль, съ стоячими мачтами и надутыми парусами, очутился въ его чудовищной пасти, вооруженной исполинскими зубами; тутъ мы неподвижно простояли нѣкоторое время, послѣ чего чудовище разинуло свою пасть, забрало въ нее неизмѣримое количество воды и сплавило насъ и нашъ корабль—что составляло далеко не маленькій кусочекъ—черезъ глотку въ желудокъ.

Тутъ мы стояли совершенно спокойно словно на якорѣ во время морскаго штиля. Правду сказать, воздухъ былъ нѣсколько удушливъ и не совсѣмъ пріятенъ.

Въ утробѣ животнаго мы нашли множество лодокъ,

якорей, канатовъ, барокъ и большое число частью нагруженныхъ, частью безъ груза кораблей; все это было проглочено этимъ чудовищемъ. Все, что мы дѣлали, совершалось при свѣтѣ факеловъ. Для насъ не существовало болѣе ни солнца, ни луны, ни звѣздъ.

Обыкновенно два раза въ день мы находились въ водѣ и два раза на мели. Когда животное утоляло свою жажду у насъ было наводненіе, когда же желудокъ его опоражнивался, мы оставались на мели. По довольно точнымъ исчисленіямъ оказалось, что чудовище это поглощаетъ воды больше, чѣмъ ея содержится въ Женевскомъ озерѣ, которое въ окружности имѣетъ однако тридцать миль.

На второй день нашего заключенія въ этомъ царствѣ мрака, я отважился съ наступленіемъ отлива, какъ мы обыкновенно называли то время, когда находились на мели, приступить съ капитаномъ и нѣсколькими офицерами къ маленькой рекогносцировкѣ.

Разумѣется всѣ мы запаслись зажженными факелами и собрались теперь въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ всевозможныхъ націй для совѣщанія о средствахъ возвратить себѣ утраченную свободу. Нѣкоторые уже нѣсколько лѣтъ проживали въ желудкѣ животнаго.

Но въ ту самую минуту, какъ президентъ хотѣлъ-было сообщить и объяснить намъ цѣль нашего собранія, проклятая рыба восчувствовала жажду и принялась поглощать воду; вода хлынула въ желудокъ съ такою силою, что всѣ мы должны были мигомъ разойдтись и удалиться въ наши корабли, если не хотѣли быть потопленными. И все таки многіе только съ трудомъ спаслись вплавь.

Спустя нѣсколько часовъ мы имѣли больше успѣха. Какъ скоро желудокъ чудовища опорожнился, мы снова собрались. Меня выбрали въ президенты, и я предложилъ связать двѣ наибольшія мачты и, когда чудовище откроетъ свою пасть, вложить ихъ въ нее и такимъ образомъ отнять у него возможность закрыть ее.

Предложеніе мое было принято единодушно, и мы тотчасъ приступили къ выбору сильныхъ людей, которымъ и было поручено привести это въ исполненіе.

Едва успѣли мы приготовить свои мачты, какъ тутъ же представился случай приступить къ дѣлу. Чудовище зѣвнуло, а мы поспѣшили втолкнуть связанныя мачты между его челюстей такъ, что одна мачта уперлась въ нижнее небо, подъ языкомъ, а другая въ верхнее, вслѣдствіе чего ему дѣйствительно не было никакой возможности сомкнуть пасть, даже еслибъ мачты наши были несравненно тоньше.

Какъ скоро вода прилила и все въ желудкѣ чудовища сошло съ мели, мы вооружили нѣсколько кораблей, которые вынесли и себя и насъ на свѣтъ Божій. Увидавъ дневной свѣтъ,—по нашимъ разсчетамъ приблизительно послѣ четырнадцати-дневнаго заключенія,— мы вполнѣ оцѣнили всю прелесть его.

По выходѣ всѣхъ насъ и всѣхъ судовъ изъ этого помѣстительнаго рыбьяго желудка, образовалась флотилія, состоявшая изъ тридцати пяти кораблей всѣхъ націй.

Обѣ связанныя мачты мы оставили въ пасти чудовища, чтобы спасти другихъ отъ несчастья быть запертыми въ этомъ страшномъ царствѣ мрака и наводненій.

Первое наше желаніе было узнать, въ какой части свѣта мы находимся; сначала мы никакъ не могли въ точности опредѣлить этого. Наконецъ съ помощію разныхъ наблюденій я открылъ, что мы находимся въ Каспійскомъ морѣ.

Но такъ какъ это море—закрытое море, со всѣхъ сторонъ окруженное землею и не соединенное ни съ какими другими водами, то намъ, конечно, показалось совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ могли мы попасть сюда. Однако одинъ изъ уроженцевъ сырнаго острова, котораго я, уѣзжая оттуда, взялъ съ собою, очень разумно разрѣшилъ намъ эту загадку. По его мнѣнію чудовище, въ желудкѣ котораго мы такъ долго были заключены, перенесло насъ сюда какими нибудь подземными путями.

Но не все ли равно! Теперь мы находились въ Каспійскомъ морѣ, радовались, что очутились здѣсь и старались по возможности скорѣе достигнуть берега.

Я первый высадился на землю.

Но едва лишь я успѣлъ встать ногою на твердую почву, какъ на меня наскочилъ большущій, здоровенный медвѣдь.

— «Ха! —подумалъ я,—тебя-то мнѣ и нужно, другъ любезный, и, схвативъ въ каждую руку по одной изъ его переднихъ лапъ, притянулъ его къ себѣ и въ знакъ привѣта изо всѣхъ силъ прижалъ его къ сердцу такъ крѣпко, что онъ поднялъ страшный ревъ. Я же, нисколько не тронутый этимъ, продолжалъ сжимать его въ своихъ объятіяхъ, пока не задушилъ. Этимъ я пріобрѣлъ ува-

женіе всѣхъ другихъ медвѣдей, и съ этихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не осмѣливался болѣе становиться мнѣ поперегъ дороги.

Отсюда я отправился въ Петербургъ; пріѣхавъ въ эту столицу, я получилъ отъ одного стараго пріятеля чрезвычайно дорогой для меня подарокъ, а именно охотничью собаку, когорая вела свой родъ отъ той знаменитой собаки, которая, какъ я уже разсказывалъ, гоняясь за зайцемъ, произвела на свѣтъ щенятъ.

Къ сожалѣнію, эту собаку вскорѣ убилъ неловкій охотникъ: цѣлясь въ стаю куропатокъ, онъ попалъ въ мою собаку. Чтобы сохранить что-нибудь на память отъ нея, я приказалъ сшить себѣ изъ ея шкуры жилетъ, который непремѣнно, каждый разъ какъ бываю въ немъ на охотѣ, невольно тянетъ меня туда, гдѣ есть дичь. Когда я подхожу къ дичи на разстояніе выстрѣла, одна изъ пуговицъ мгновенно отскакиваетъ отъ жилета и падаетъ именно на то мѣсто, на которомъ находится добыча. А такъ какъ я искусный охотникъ, и ружье мое всегда на-готовѣ, то ни птица, ни звѣрь никогда не ускользаетъ отъ меня. Теперь на моемъ жилетѣ осталось всего три пуговицы, но съ наступленіемъ времени охоты онъ опять украсится двумя рядами пуговицъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ I

Приключенія Барона Мюнхаузена на морѣ. 41
Первое приключеніе на морѣ 43
Второе — — — 51
Третье — — — 54
Четвертое — — — 57
Пятое — — — 61
Шестое — — — 68
Седьмое — — — 76
Продолженіе разсказа барона 80
Восьмое приключеніе на морѣ 94
Девятое — — — 100
Десятое — — — 103
Путешествія чрезъ центръ земли и другія замѣчательныя приключенія 108

2018813421